

18+

**ЛЕС
ПРОПАВШИХ
ДЕВ**

ЛЕСНАЯ ЧАЩА ПОЛНА СТРАШНЫХ ТАИН

ДЖУН ХЁР

Young adult. Азиатский детектив

Джун Хёр

Лес пропавших дев

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4(519.5)

ББК 84(5Кор)-44

Хёр Д.

Лес пропавших дев / Д. Хёр — «Эксмо», 2021 — (Young adult. Азиатский детектив)

ISBN 978-5-04-182943-8

Новинка от автора бестселлера «Молчание костей» Джун Хёр. Атмосферный таинственный роман, над разгадкой которого вы будете мучиться до последней страницы. 1426 год, Чосон. За двадцать лет детективной работы Мин Джиу раскрыл множество преступлений, кроме того самого «лесного дела». Тогда у подножия утеса нашли тело девушки по имени Сохён, но расследование так и не провели. В то же время бесследно исчезли обе дочери детектива, Хвани и Мэволь. Позже девочек нашли: живыми, правда, без сознания. Возможно, они и есть единственные свидетельницы страшного преступления. Спустя годы жуткая лесная история повторяется: на этот раз похищают тринадцать девушек. Детектив Мин отправляется на родной остров Чеджу, чтобы провести расследование... но тоже исчезает. Хвани – единственная, кто может найти отца и раскрыть дело, разлучившее их семью. Она отправляется на поиски и по мере погружения в секреты маленькой деревни понимает, что ответы на вопросы могут скрываться в ее собственных воспоминаниях. Что произошло в том лесу с ней и ее маленькой сестрой? Кто их похититель? И, самое главное, как с этим связан ее отец?

УДК 821.111-312.4(519.5)

ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-04-182943-8

© Хёр Д., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	29
Глава пятая	35
Глава шестая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Джун Хёр

Лес пропавших дев

© Базян Л., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящается любимым брату и сестре.
Шэрон, ты прекрасная сестра!
Чарльз, спасибо, что ты – это ты!*

* * *

За двадцать лет детективной работы я раскрыл множество преступлений.
Кроме одного. Того «лесного дела».

Человеческий разум непостижим, разве возможно проникнуть в него и разгадать загадки, которые он намерен утаить? Много лет прошло с момента преступления, и потому я не могу понять, что же случилось на самом деле.

Известно только одно: тело жертвы – девушки по имени Сохён – было найдено у подножия утеса. Решили, что это самоубийство. Но расследование провести не дали, по приказу местного судьи поспешно провели похороны. Без осмотра тела трудно понять, что случилось с жертвой, выяснить причину смерти, найти доказательства, факты. Только с помощью доказательств можно раскрыть преступление. Но годы идут, и чем больше их проходит, тем легче ложь превращается в правду.

Две девочки, возможно, видели, что произошло. Мин Хвани и Мин Мэволь. Мои дочери.

Обеих нашли без сознания, почти насмерть замерзших, неподалеку от места преступления. Хвани ничего не помнит, а Мэволь клянётся, что перед тем, как потерять сознание, видела мужчину, крадущегося сквозь лес.

Мужчину в белой маске.

Из дневника детектива Мин Джису

Глава первая

Завеса тумана окутала корабль из красного дерева, на котором я плыла. Мне не было позволено приподнять эту завесу и увидеть край, чьи тайны крылись за ней. Но я прекрасно помнила, как выглядит это место, открытое всем ветрам, в тысяче ли к югу от порта. Неровные берега, покосившиеся хижины, сложенные из кусков черной лавы, и туман надо всем и повсюду. Где-то здесь, на Чеджу, острове камней и ветра, в Коччавальском лесу, под заоблачными вершинами горы Халла, пропал мой отец.

Глаза слипались от усталости, и я оперлась о борт. Порт Мокпхо, из которого мы отплыли, становился все меньше. Высоко над головой колыхались на ветру паруса из бамбуковых рей и циновок. Соленые брызги повсюду. Все стало мокрым: моя одежда, палуба, рей, дрожащие пассажиры, которые пытались отвлечь себя игрой, сгрудившись вокруг квадратной доски с грубо вырезанными деревянными фигурами.

Эти люди, скорее всего, возвращались домой на остров Чеджу, не то что я, озабоченная поиском пропавших без вести.

Я откинула пряди пляшущих на ветру волос и снова оглянулась. Еще один взгляд в сторону Мокпхо. На этот раз я не разглядела ничего, кроме тумана и вздымающихся черных волн. Сердце забило в груди, словно где-то там, внутри, испуганно затрепетала крыльями птица. Я крепко схватилась за борт и глубоко вздохнула. Шел 1426 год, год избрания наследной принцессы. Юные девушки моего возраста мечтали попасть во дворец, а я здесь, посреди бушующего моря, плыву на остров, куда ссылают заключенных.

«Забудь о расследовании, – шептала мне тревога. – Что бы ты ни нашла на этом острове, это может оказаться очень опасным».

Я мотнула головой и полезла в мешок, куда сложила свои вещи. Нашупала сначала завернутую в тряпочку сушеную хурму, потом бусы с деревянным свистком и, наконец, черный папин дневник, сшитый вручную. Его я и вытащила. Ветер распахнул обложку дневника, обожженные, изувеченные огнем странички испуганно затрепетали. Последние страницы сгорели полностью, остались лишь почерневшие обрывки. Этот дневник прислала мне незнакомка по имени Поксун. Множество вопросов мучило меня. Кто эта женщина? Зачем она отправила мне дневник? И откуда она знает моего отца?

Доски палубы закрипели под чьим-то весом. Я глянула вправо и увидела мужчину: он остановился рядом со мной, чтобы полюбоваться морем. Одной рукой он оперся о борт, другой – сжимал рукоять меча, висевшего у него на поясе. Он словно высматривал на востоке пиратов Вокоу¹. На нем была длинная накидка из пурпурного шелка, надетая поверх ханбока² цвета лаванды с длинными рукавами.

«Скорее всего, аристократ», – подумала я.

– Доброе утро, – еле слышно прошептала я.

Он не услышал меня, вокруг грохотали волны.

Я жала руки, впиваясь ногтями в ладони. Нет, я больше не Мин Хвани. Я больше не юная девушка, чьи волосы заплетены в косу и перевязаны красной лентой тэнги. Такой лентой украшают прическу лишь незамужние робкие девушки.

– Доброе утро, – окликнула я его снова, и на этот раз мой голос прозвучал громче и ниже обычного.

Человек повернулся. Длинные поля высокой черной шляпы отбрасывали тень на его лицо. Он не был стар, но годы юности остались в прошлом, тонкая бородка очерчивала квад-

¹ Японские пираты, контрабандисты, которые разоряли берега Китая и Кореи. (Здесь и далее прим. перев.)

² Национальный традиционный костюм жителей Кореи.

ратный подбородок. Тяжелые веки, наполовину прикрывавшие глаза, будто хотели сохранить какую-то тайну.

– Что вам угодно?

Его низкий голос прозвучал откуда-то из самой груди.

– Далеко нам еще плыть до Чеджу?

– Где-то полдня, если только погода не испортится.

Мгновение он пристально разглядывал меня, потом снова отвернулся.

– А далеко от порта до деревни Новон? – спросила я.

Мужчина удивленно приподнял бровь:

– Новон?

– Да.

– Часа три пешком, – ответил он. – Точно не знаю, пешком обычно не хожу на такие расстояния. А зачем вам туда?

– Мне нужно кое-кого найти.

Теперь он полностью развернулся в мою сторону, одной рукой по-прежнему цепляясь за борт.

– А вы кто?

Вопрос прозвучал так, будто он приказывал мне немедленно ответить.

Я окаменела от ужаса. Детектив Мин был моим отцом, но я не хотела рассказывать об этом: многие наверняка слышали его имя, и не только потому, что отец был хорошим детективом, но и потому, что он внезапно исчез. И если этот человек знает, кто такой детектив Мин, то он, скорее всего, знает и то, что у него была дочь (вообще-то у него было две дочери, но о моей младшей сестре, с которой мы давно жили порознь, мало кому было известно). А юной девушке негоже путешествовать в одиночку.

Я провела рукой по длинному мужскому ханбоку – шелковому сапфирово-синему халату, перевязанному поясом, – в который облачилась, чтобы скрыть, кто я на самом деле. Не ожидала, что мне так скоро придется придумывать что-то о том, кто я такая. Ни одной мысли в голове.

Я откашлялась, чтобы выиграть немного времени, и спросила:

– Хотите знать, как меня зовут или кто я такой?

– И то и другое.

– Зовут меня... Гю. – Имя из книги, которую я недавно прочла. – И я... я – никто.

Он по-прежнему пристально и недоброжелательно разглядывал меня.

– Те, кто говорит, что они «никто», всегда оказываются людьми значимыми. Или же пытаются скрыть что-то важное.

– Поверьте, я ничего не скрываю, – спокойно возразила я. – Я учился на государственного служащего, но на работу меня не приняли.

Слова вырвались сами собой, непонятно даже, откуда они взялись. Как и моя мать, я умела сочинять на ходу. И хотя я почти не помнила ее – она умерла, когда я была еще маленькой, – во мне текла ее кровь.

– Мне нечем заняться, вот я и решил побывать на Чеджу.

– И это все? Обычное путешествие? – Незнакомец по-прежнему не сводил с меня недоверчивого взгляда. И что он прицепился? – Вы же сказали, что ищете кого-то?

Я облокотилась о край борта и подставила лицо соленым брызгам. Главное, казаться спокойной и уверенной. Но я уже чувствовала, что пот выступил у меня на лбу и тек по лицу. Суровый незнакомец будто видел меня насквозь.

«Бесполезно притворяться, – нашептывал мне насмешливый голосок. – Он давно раскусил тебя, глупая, беспомощная девчонка».

Я вытерла лоб рукавом ханбока и снова откашлялась.

– Мой дядя – он родом из Чеджу – пропал без вести.

Незнакомец моргнул, но не отвел взгляда.

– Вам же едва исполнилось семнадцать. Семнадцатилетним юношам положено учиться, а не расследовать чье-то исчезновение.

Вообще-то мне было восемнадцать – почти девятнадцать.

– Хотя я и молод, моя семья во мне не сомневается. Мне уже удалось раскрыть несколько мелких преступлений и даже одно убийство.

В этот раз я почти не врала. Я как-то раскрыла убийство домашнего ястреба одной моей подруги.

– Родные детектива Мина очень хотят узнать, что же с ним случилось. Полиция ведь ничего толком не выяснила. Вот они и попросили меня заняться этим делом.

– Детектив Мин... детектив Мин... Какое знакомое имя.

Незнакомец задумчиво уставился в небо, повисла довольно долгая пауза. Потом он воскликнул: «А, ну да», и я замерла в напряженном ожидании.

– Года два прошло с тех пор. Полиция вела расследование, но так ничего и не нашла.

– Полицию больше беспокоили беспорядки на материке, у них не было времени толком обыскать остров, – объяснила я. – А у меня полно свободного времени. К тому же меня обещали наградить, если я найду хоть что-нибудь.

– Слишком много времени прошло с тех пор. Воспоминания блекнут и искажаются, а вещественные доказательства давно смыл дождь. Ничего вы не найдете.

– Но не мог же он раствориться в воздухе?

– Кто знает. Он полагался лишь на собственную трость. – Незнакомец одарил меня учтивой и мягкой улыбкой. – Я слышал, детектив Мин и шагу без нее ступить не мог.

Я улыбнулась ему в ответ.

– Это правда. Ему сложно было ходить без трости. Но знаете, это ведь необычная трость. Чукчандо – трость, в которую вложен меч, – вот что он носил с собой. Смертоносная игрушка, особенно в руках детектива Мина. Так мне рассказывали. Многие в Чосоне почитали его как величайшего детектива.

Незнакомец в ответ прыснул со смеху.

– Величайшего?

– За двадцать лет работы он раскрыл более двухсот преступлений и ни разу не потерпел неудачи.

Я ждала, что он на это скажет, но слышала лишь плеск волн, бьющихся о борт корабля.

– Значит, вы направляетесь в Новон. Что ж, должен вас предупредить, – наконец произнес незнакомец, – когда доберетесь, не обращайте внимания на слухи, которые распространяют крестьяне. Едва вы спросите жителей о пропавшем детективе, как они в ответ начнут рассказывать вам о своих исчезнувших дочерях. Не слушайте их. Поверьте мне, юноша, Новон – самая безопасная деревня на Чеджу.

Меня поразили его слова, я даже позабыла на минутку о том, как неприятен мне мой собеседник.

– Пропавшие девушки?

Я вспомнила, что капитан Ки рассказал мне. Отец уехал на Чеджу расследовать исчезновение девушек. Может, об этом и говорил незнакомец? Я опустила глаза, чтобы скрыть внезапно охватившее меня волнение. Облако скользких медуз качалось на волнах.

– Кое-что объединяет этих пропавших девчонок. – Незнакомец провел большим пальцем по выгравированному на рукояти меча рисунку. – Все они были красавицами.

– Что это значит?

– Судья Хон!

К нам подошел слуга – во всяком случае, одет он был как слуга. В простую рубашку чогори и штаны до колен.

– Вы звали меня, судья? – спросил слуга.

Я изо всех сил старалась казаться равнодушной. Ничего себе! Всю дорогу я беседовала с судьей! Я заметила, как он вытащил из глубины халата свиток и отдал его слуге.

– Найди посыльного, как только корабль причалит. Выбери самого быстрого.

– Слушаюсь.

Слуга поклонился и исчез.

Судья снова повернулся ко мне. Он, должно быть, заметил мой ошарашенный взгляд, но сделал вид, что ему это безразлично.

– Я не буду мешать вашему расследованию и усложнять вам жизнь, – пообещал он. – Но я отвечаю за спокойствие в этом районе и устал от сомнительных домыслов, которые подрывают его репутацию.

Я не сразу поняла, о чем он говорит.

– Детектив Мин расследовал исчезновение тринадцати девушек, – продолжал судья. – И знаете, что я сказал ему? То же самое, что и вам: эти девчонки были красавицами. Может, они просто устали от бедности и жизни в крошечной деревне и потому сбежали. Не думаю, что хоть одна из них попала в беду. – Он покачал головой. – Я слышал, что у детектива Мина большой опыт и он раскрыл множество преступлений, поэтому меня очень удивило, что он как будто бы совсем не знал то, что известно всем: девушки пропадают почти каждый день. Особенно часто они пропадают на Чеджу, стоит им чуть повзрослеть. Никто их не держит, они считают себя свободными. Они сбегают вместе с возлюбленными, или чтобы скрыть беременность, или продать себя, или стать кисэн³. Причин может быть множество.

Я сглотнула и плотнее запахла ханбок. Судья Хон повернулся ко мне спиной и не спеша направился куда-то в другую сторону. Я вдруг осознала, как это глупо – отправиться искать отца в деревню, в которой постоянно пропадают девушки. Не просто глупо, опасно!

Теперь я поняла, почему отец перед каждым путешествием просил, чтобы я одевалась как мальчик. Однажды, когда мы ехали верхом через лес, я спросила у него, почему он это делает. Он молча показал на замершего на дереве мотылька, маскирующегося под кору.

– Смотри, мотылек притворяется деревом, – прошептал он мне, а мне в то время было не больше семи зим, – так он прячется от врагов, теперь никто не причинит ему вреда.

Может быть, прав был капитан Ки, когда просил меня остаться дома.

– Молодой девушке не стоит рисковать, путешествовать опасно, – говорил он. – Доверьтесь нам, мы найдем вашего отца.

И я доверилась ему. Поверила ему. Я осталась дома и ждала двенадцать полных лун. Я бы подождала и еще год, если бы он не закрыл дело и не объявил отца погибшим.

– Мы нашли левый рукав от его пальто в Коччавальском лесу, – сказал капитан Ки, отводя взгляд. Он не решался взглянуть в мои полные негодования глаза. – Наверное, на детектива напал медведь и разорвал его на части. Тела мы так и не нашли. Ни тела, ни следов. Но... – он покачал головой. – Прошел целый год, Хвани-я⁴. Он погиб.

Что он ожидал услышать в ответ, этот капитан Ки? Неужели он рассчитывал, что я просто опущу руки, что я смирюсь со смертью отца и не попытаюсь выяснить, что случилось?

Что случилось с лучшим детективом Чосона? Где его тело? Разве можно считать его умершим, если тело так и не нашли?

³ Куртизанка, обученная музыке, танцам, пению и поэзии. Умела поддержать разговор, развлекала мужчин высших классов.

⁴ Суффиксы –а/-я (кор. – # / – #) в конце имени используются в неформальном общении в качестве уменьшительно-ласкательных.

Молодым девушкам не положено уезжать в одиночку из дома и заниматься расследованием исчезновения или смерти. Но не обязательно сообщать всем, что я девушка.

И вот я любознательный ученый, который решил попутешествовать. Я готова была прерваться в кого угодно, лишь бы это помогло мне найти отца.

Я взглянула на свои руки. Какая бледная кожа! Когда мне исполнилось семь, меня воспитывали согласно традициям, укрывая от мужчин и всего мира, и с тех пор моя кожа не знала солнечного света. Но как бы крепко ни была я заперта в четырех стенах, мой разум вырывался на волю благодаря книгам отца, которые я читала в его кабинете. Я не сомневалась, что, как и любой мужчина, смогу поддержать разговор о конфуцианском каноне⁵ и истории.

«Мой отец – ученый из Мокпхо, – начала я рассказывать себе сказку, которую сама же и выдумала, сплетая ее с тем, что когда-то читала. – Обедневший дворянин, зарабатывающий на жизнь преподаванием. Поскольку я младший сын, он не ждет от меня многого, но я надеюсь написать очерк, который вдохновит и его, и его высокопоставленных друзей...»

Пассажиры корабля, должно быть, решили, что я лишилась рассудка, потому что до конца поездки я расхаживала по палубе, снова и снова прокручивая в голове свою новую биографию, биографию мужчины. Биографию того, кто не собирался больше ждать, пока кто-нибудь другой разберется в этом запутанном деле и выяснит, что же случилось с детективом Мин.

Сквозь бесконечное водное пространство и нити тумана, оплетшие небо, я разглядела острые скалы и силуэт горы Халла. Древняя гора – свидетель трагической истории этого края.

В давние времена Чеджу, как и все наше королевство, оказался под властью монголов. Островом правили даругачи, монгольские наместники, а на многих пастбищах паслись лошади конниц, что разбили здесь лагерь. Потом, еще через сто лет, наше королевство вновь вынуждено было склониться перед троним императора чужого государства, китайского императора династии Мин. Однако жителям Чеджу пришлось склониться ниже всех, у них отобрали все, что у них было. Всех лошадей забрали императоры династии Мин, а моллюсков, мандарины и лекарственные травы – уже наш король.

Я знала мрачную историю Чеджу как свои пять пальцев. Ведь я родилась здесь, как я могла не знать историю родного дома? Не думала, что когда-нибудь вернусь сюда. Отец увез семью с этого острова – всех, кроме одной из нас. На Чеджу осталась моя младшая сестра Мэволь. Я редко переписывалась с ней, и не потому, что мы враждовали, просто у нас не было ничего общего. Она даже не знала, что я возвращаюсь домой. Я не должна была, я пообещала отцу никогда этого не делать. Пообещала никогда больше не подходить близко к зловещему лесу.

Корабль сильно качало на волнах, но я сжимала в руках дневник отца и смотрела вперед. Туман рассеялся, и моему взору открылся порт Чеджу и черные лавовые хижины, прилепившиеся к его зеленым склонам. Мы подплывали все ближе и ближе, и я все острее чувствовала, что отступать поздно. Я нарушила все обещания. Обещание не возвращаться в Чеджу, не приближаться к зловещему лесу. Обещание не лезть в поиски отца.

Я втянула в себя воздух и попыталась унять дрожь. «Отец жив, – напомнила я себе, – я чувствую, что он жив».

Ни минуты я не сомневалась в том, что это правда, хотя тетя Мин сказала, что я сошла с ума, а капитан Ки убеждал, что не стоит доверять чувствам. Но я не нуждалась в их поддержке, после смерти матери я ни на кого больше не надеялась. Только на себя. Но может быть, младшая сестренка согласится помочь мне. Пять лет мы почти не общались, нас связывало только

⁵ Пять конфуцианских канонических книг. Древнейший китайский литературный памятник.

несколько воспоминаний, но теперь мой отец пропал, а он ведь был и ее отцом... я надеялась, что общее горе объединит нас.

Я взглянула на обгоревший дневник и вдруг почувствовала, как растет в груди уверенность. Где-то там, на горе, в глубине бескрайнего леса, или же у извилистого берега на острове Чеджу нас ждет отец. Я надеялась, что и сестра считает так же.

Глава вторая

Остров казался таким огромным, а я чувствовала себя крошечной. Я уходила на юг, все дальше и дальше от шумного порта, в дикую неприветливую глушь. Внезапно меня охватил острый приступ паники, прямо как в тот раз, когда я впервые услышала об исчезновении отца. Единственный человек в королевстве, который любил меня, растворился в воздухе, как утренний туман.

– Где ты, отец? – прошептала я, надеясь, что ветер донесет до него мои слова. – И почему? Почему ты бросил меня?

Этот вопрос мучил меня целый год, с тех пор, как я обнаружила в кабинете отца записку, нацарапанную на бумаге ханджи⁶.

*«Что мне делать? Вернуться туда?
Смогу ли я исправить эту ошибку, этот грех?
Лес наблюдает за мной.
Враждебный и неподвижный, полный воспоминаний».*

Капитан Ки говорил мне только, что отец уехал на Чеджу расследовать дело о тринадцати пропавших девушках. Но объяснение капитана совсем не утешило меня, а лишь породило еще больше вопросов. Почему вдруг отец заинтересовался делом, которым никогда не занимался? Почему он так внезапно уехал, никому ничего не сказав? И о каком грехе и ошибке он пишет? Все это пугало меня.

Чеджу – остров небольшой, но вряд ли я быстро найду ответы на все вопросы. Понять бы хоть для начала, как дойти до деревни Новон. Тропинка, пропахшая соленым морем, петляла сквозь прибрежные деревни, я шла и шла мимо полей с каменными жилищами, холмов, скользких долин.

Иногда я останавливалась, чтобы спросить дорогу у других путников, но в какой-то момент я осталась на тропинке одна, вокруг ни души. Последний человек, с которым я разговаривала, посоветовал мне поискать холм с грудой камней на вершине, – это значило, что жители деревни проводят ритуалы, обращенные к предкам. Но я не нашла ни холма, ни деревни, а судя по моему урчащему от голода желудку, уже наступил полдень.

Я заблудилась. Окончательно заблудилась.

«Даже дорогу в родной город найти не можешь, – прошипела бы тетка, увидь она меня в эту минуту. – Как, интересно, ты найдешь своего отца?»

Я остановилась, не в силах сделать больше ни шага. Страх всколыхнулся во мне, выступил на лбу холодным потом. Это была ужасная ошибка, не стоило мне приезжать на Чеджу. Я огляделась, но поняла, что не соображу даже как теперь вернуться в порт. Проклятье!

Стадо диких пони с мокрыми от дождя гривами рысью пронеслось по холму, и я вдруг вспомнила свою сестру. В детстве, каждый раз, прежде чем отпустить нас из дому, отец просил Мэволь позаботиться обо мне, потому что, хоть я и могла выучить тысячу афоризмов Конфуция, найти дорогу домой было мне не по силам.

А что Мэволь? Мэволь была злобным жестоким зверьком, вроде диких пони Чеджу, она кусалась и лягалась, и ничто не могло помешать ей найти дорогу домой.

– Что ж, пойду дальше, – сказала я самой себе, – кого-нибудь наверняка встречу.

Я шла все вперед и вперед, мимо волнистых холмов, зеленых дзелькв⁷ и каркасов⁸. Вдоль тропинки, по которой я шагала, тянулись низкие каменные стены. Они были сделаны из булыж-

⁶ Бумага из коры тутового дерева.

⁷ Дзельква – немногочисленный вид деревьев, принадлежащий семейству вязовых, или ильмовых.

ников, наваленных друг на друга, а трещины заполняла мелкая галька. Я шла и спрашивала себя, что сказать сестре, когда мы наконец встретимся. Нам будет о чем поговорить?

Но в голову мне ничего не приходило. Я не могла придумать, что сказать Мэволь, и не представляла, что она мне ответит. Незнакомка, чужачка – вот кем она была для меня. А я так старалась стать примерной старшей сестрой. Писала Мэволь каждый месяц, хотя не была уверена, что ей так уж интересна моя жизнь. Со временем стало слишком сложно находить слуг, которые готовы были проделать весь путь до Чеджу и вручить сестре письмо. Поэтому я начала писать реже, раз в пять или шесть месяцев, и почти в каждом письме спрашивала, счастлива ли она, здорова ли. Ответа приходилось ждать так долго, что я попросту забывала, о чем было мое письмо.

Я остановилась и прищурилась, пытаюсь разглядеть, что же там, вдали. «*Наконец-то*». Я увидела хижину, перед которой сидела старушка и морщинистыми пальцами чистила чеснок. Я бросилась к ней и крикнула:

– Аджиман!⁹ Подскажите, я правильно иду?

Старушка прищурилась, взглянула на меня, а потом заговорила на цветистом местном диалекте:

– Оди камсугва?

Жители материка с трудом понимали местный диалект, но я выросла здесь и когда-то тоже на нем говорила.

– Мне нужно попасть в деревню Новон. Я дойду до нее по этой тропинке?

В ответ она прищелкнула языком.

– Зачем вам туда?

– По личному делу, – ответила я.

Старуха сипло закашлялась в рваный рукав.

– Вы проскочили мимо, – проскрипела она в конце концов. – Вам придется вернуться где-то на тысячу шагов.

Я выругалась себе под нос и повернулась уже, чтобы пойти обратно, но остановилась, почувствовав, что она хочет сказать что-то еще. Старуха не подняла головы, но ее пальцы больше не счищали тонкую желтую шелуху, а просто скребли корни чеснока.

– А почему вы спросили, зачем мне туда? – поинтересовалась я.

– Все говорят, что Новон – мирная деревня, – прокряхтела старуха. – Но попадешь туда и уехать уже не сможешь.

Мрачное предчувствие охватило меня. Безрадостный скалистый пейзаж простирался предо мной, окутанный туманом. Все, кому я рассказывала, что ищу деревню Новон, реагировали как-то странно. Все, кого я спрашивала, как туда проехать, бледнели и хмурились.

– Почему все так боятся этой деревни? – заметила я.

– Год назад пропала девушка. Тринадцатая по счету, – объяснила старуха. – За последние четыре года исчезло тринадцать девушек, и все они были из деревни Новон. Прошлой ночью какой-то старик видел около деревни Сонхул девушку, ту, что пропала последней. Она бежала через лес.

Я удивленно взглянула на нее.

– Откуда вы знаете?

– Родственники искали ее здесь. Хёнок, так ее звали. Ей было всего четырнадцать. Видимо, кто-то похитил ее и держал взаперти, но девочке удалось сбежать. И вот ее родные

⁸ Каркас, или каменное дерево, – род листопадных, реже вечнозеленых деревьев.

⁹ Аджумма – уважительное обращение к замужней женщине, как правило, среднего возраста, аджиман – то же обращение на диалекте Чеджу.

ждали, когда она наконец вернется домой. Но она не вернулась. Обыскали всю округу, где Хёнок в последний раз видели. Никаких следов. Может быть, она заблудилась?

Старуха поджала морщинистые губы и отряхнула белую чесночную шелуху со своей юбки.

– Уф.

Она распрямилась и прижала руку к ноющей спине, потом подобрала миску с чесноком и захромала к покосившейся деревянной двери.

– Не говорите потом, что вас не предупреждали.

Пелена окутывала холмы, струилась по полям и серебристой траве, взбиралась вверх на черную каменную стену, что спрятала за собой деревеньку Новон, небольшой поселок на склоне горы. Я шла вдоль стены в поисках входа. И вот наконец передо мной предстали каменные хижины и соломенные крыши, достаточно крепкие, чтобы противостоять дождю и ветру. Я шла по узким тропинкам между хижинами и гадала, встречу ли я здесь сестру?

Я прошла немного в одну сторону, потом повернулась и пошла в другую. А я-то думала, что сразу же узнаю родную деревню, когда доберусь до нее. В конце концов, первые тринадцать лет моей жизни прошли здесь, и я часто тайком пробиралась по этим тропинкам в гости к шаманке Ногён, женщине, которая взяла Мэволь себе в помощницы.

Но я была тогда совсем юной, всегда ходила вместе с мамой и не видела ничего, кроме ее руки, за которую я держалась, неба и птиц. Я совсем не следила за тем, какой дорогой мы идем. Тропинки перепутались у меня в голове. Дорога, которой я шла, постоянно петляла, будто кто-то специально начертил новый запутанный путь, чтобы я не смогла дойти до нужного мне дома. И тут меня осенило: всю мою жизнь меня кто-то куда-то вел. Сначала мама водила меня за ручку, потом, после ее смерти, меня опекал отец. У меня не было возможности стать самостоятельной.

Я остановилась в центре деревни, откуда, как ручейки, разбегались в разные стороны тропинки, закрыла глаза и представила себе хижину старой гадалки. Перед мысленным взором замелькали образы: холмы, одинокая хижина посреди равнины, зубчатые края горы Халла...

Ноги сами понесли меня вперед. Они несли меня все дальше и дальше через Новон, в сторону горы Халла, отбрасывавшей тень на деревню. Вскоре северная сторона каменной ограды превратилась в малозаметную серую полосу вдаль. Я оказалась на широкой безлюдной равнине. В небесной выси парил сокол. Из земли высились редкие сосны, обдуваемые ветром, и острые камни.

Два часа спустя передо мной замаячила тень хижины. Ее обволакивал странный туман, похожий на дым.

В последний раз я была у шаманки Ногён пять лет назад вместе с отцом. Он вел за ручку малышку Мэволь, чтобы передать ее на воспитание гадалке.

– Я буду часто навещать тебя, – пообещал он дочке и сдержал обещание.

Он позаботился о том, чтобы младшая дочь не чувствовала себя брошенной, шаманка Ногён была ей как тетя, и это немного утешало нас.

Они сблизилась после болезни Мэволь. Эту странную болезнь называют синбён, ею страдают те, кто призван стать шаманом. Если сопротивляться призыванию, болезнь может оказаться смертельной. Мэволь постоянно бил озноб, ее рвало, но все это полностью прекратилось, когда отец смирился с судьбой дочери и отдал ее шаманке. Мне же гадалка казалась обычной тетенькой, в ней не было ничего особенного, и кажется, это впечатление было взаимным. На ее взгляд, во мне не было ничего примечательного.

Я замедлила шаг, бок разболелся. Наверное, оттого, что надышалась холодного тумана. Я уже подошла совсем близко. Соломенную крышу подпирали кривые деревянные балки, а сама хижина была построена из лавовых камней, как и все остальные дома на Чеджу. Я и

забыла, что она такая маленькая. Внутри были деревянные раздвижные двери, обклеенные бумагой ханджи, они делили дом на четыре части: одну большую комнату, занимавшую половину хижины – здесь шаманка принимала посетителей, – и три маленькие, где была кладовка и жилые помещения, в одном из которых теперь и обитала моя сестра, главная ее помощница. Во дворе я увидела небольшой хлев, из которого доносился стук лошадиных копыт.

Я снова обернулась к дому и увидела, что дверь слегка приоткрыта. Внутри перед низеньким столиком с короткими ножками сидела женщина. Она склонилась над свитком. В руке она держала кисть для каллиграфии и выводила что-то на бумаге красными чернилами. Возможно, писала заклинание.

– Аджиман! – окликнула я ее, пересекая двор. – Аджиман!

Женщина подняла голову. Передо мной сидела не шестидесятилетняя старуха, которую я ожидала увидеть, а молодая девушка, чье лицо сияло свежестью юности, а брови в форме нежного ивового листа красиво изгибались.

Она открыла дверь и вышла, пристально взглянула на меня.

– Что вам угодно?

Я шагнула вперед и поняла, что молодость ее была не настоящей. Толстый слой белой пудры скрывал старческие морщины, она накрасила губы и нарумянила щеки, а волосы так туго стянула на макушке, что пропали морщины на висках. Я выдержала ее пристальный взгляд черных, подведенных углем глаз.

– Вы не помните меня? – спросила я.

– Я вас никогда не встречала.

Она замолчала и прищурилась, внимательно вгляделась в мое лицо. Потом с удивлением приподняла брови.

– Не может быть... – Она медленно покачала головой, а потом прошептала: – Ты – вылитый отец.

– Я приехала, чтобы найти его.

Поначалу грусть мелькнула в ее глазах, потом лицо шаманки помрачнело.

– Ты приехала одна?

– Тетя Мин знает, что я здесь, – солгала я.

Всю предыдущую ночь я разглядывала потолок в теткинском доме и представляла, как сейчас открою ворота, отделяющие женскую половину от всего остального дома, и сбегу на Чеджу.

– Она разрешила мне съездить сюда на несколько недель. Во всем разобраться.

Мы немного помолчали. Шаманка спрятала руки в широкие рукава.

– Заходи, – пробормотала она себе под нос.

Ее длинное белоснежное одеяние распахнулось, когда она повернулась, чтобы пригласить меня в дом. Она толкнула дверь, и та скрипнула будто старые кости.

Я вошла в дом и тут же с жадностью его оглядела. Вдруг где-то рядом сестра. Комната была заставлена статуями с выпученными глазами, вокруг которых курились благовония. Повсюду лежали странные предметы – с помощью них, должно быть, шаманка совершала ритуалы. Я стояла и рассматривала все это, и вдруг услышала голос старухи у себя за спиной:

– Она скоро вернется.

Чем дальше я разглядывала комнату, тем острее вновь переживала тот день, когда мы оставили Мэволь у шаманки Ногён. Меня охватило прежнее беспокойство. Я вспомнила, как неуютно было тогда отцу. Он опустил глаза и нахмурил брови – ему, наверное, казалось, что он совершает большую ошибку. Ни я, ни отец не были виноваты в том, что у Мэволь обнаружилось призвание к шаманству и ей пришлось остаться на Чеджу, в то время как вся ее остальная семья перебралась на материк. Она была еще совсем ребенком – ей всего исполнилось десять лет.

И все же...

Отцу предложили должность в полицейском ведомстве, ни один мужчина не отказался бы от такой работы. Старший инспектор шестого ранга. «Я хочу защитить нашу семью, – говорил тогда отец. – Для этого мне необходимо получить повышение. Если я останусь обычным полицейским, мне придется прислуживать продажным чиновникам. Мне нужна власть».

Хотелось думать, что отец принял тогда верное решение. Он всегда принимал верное решение.

– Твой отец навестил нас год назад, когда приехал на Чеджу.

Голос шаманки вернул меня к действительности. Она села на коврик, скрестив ноги.

– Ты знаешь, зачем он приезжал?

Я не сразу ответила на ее вопрос: сначала села на ковер и разгладила складки на ханбоке.

– Чтобы расследовать дело о пропаже тринадцати девушек. Капитан Ки рассказал мне об этом.

– А капитан Ки рассказал тебе о человеке в белой маске?

Я нахмурилась.

– Что за белая маска?

– Свидетель утверждал, что видел, как человек в белой маске похитил одну из девушек.

Я распрямилась, словно меня кольнуло воспоминание. Человек в белой маске...

– «Лесное дело», – прошептала я.

Шаманка кивнула.

– Твой отец считал, что есть связь между похищенными девушками и тем «лесным делом», в котором были замешаны вы с сестрой.

Я попыталась вспомнить, что тогда произошло, но, как обычно, у меня ничего не получилось. Ни деревьев, ни людей, ни голосов. Пустое место. Как будто кто-то взял острые ножницы и вырезал из моей памяти это важное воспоминание, словно страницу из книги.

«Агасси¹⁰, вы ведь были в тот день с сестрой в лесу, вы видели погибшую девушку?»

Я вспомнила, как служанка однажды спрашивала меня об этом. Помню, как я испугалась ее вопроса, растерялась, не знала, что ответить, подумала, что она меня с кем-то перепутала. Только потом мама объяснила мне, что я действительно была в том лесу. Что мы с сестрой были там вместе, и там же нашли мертвую девушку. Все выветрилось из моей памяти, но сестра клялась, что видела, как по лесу бежит человек в белой маске со сверкающим мечом.

Я снова нахмурилась, попыталась осознать то, что только что узнала.

– Значит, отец поехал на Чеджу... чтобы расследовать дело тринадцати девушек... потому что считал, что оно как-то связано со старым «лесным делом»?

Вот почему его так волновало чужое расследование. А я все не могла понять, зачем он уехал.

– Очень похоже на него, – прошептала я. – Он ведь так и не смог понять, что случилось тогда в лесу. Его не отпускало нераскрытое преступление.

– Нет, он не поэтому вернулся. Он приехал на Чеджу из-за твоей сестры.

– Что? – не сумела я скрыть удивления.

– Он боялся, что Мэволь в опасности. В конце концов, она была единственным свидетелем того старого преступления. Девушки начали пропадать, твой отец испугался, что и с ней что-нибудь случится. Он хотел раскрыть это дело и пообещал ей, что в этот раз она вернется домой вместе с ним.

Почему отец не рассказал мне об этом? Он никогда не говорил, что Мэволь вернется. Про сестру мы говорили только, когда он спрашивал, не забыла ли я ей написать.

Я вдруг почувствовала жжение где-то в груди, будто проглотила кипящий чай. Боль все усиливалась, пока не превратилась в слова: так нечестно! Я все делала правильно, я была

¹⁰ Обращение к молодым незамужним девушкам.

послушной, и вот он оставил меня ради другой своей дочери, которая доставляла одни неприятности.

– Понятно, – ответила я безжизненно.

– Каждый год, когда твой отец приезжал на остров Чеджу, он обещал в следующий раз вернуться сюда с семьей, – поджала губы шаманка Ногён. – А потом он возвращался на материк и забывал обо всем. Хотя в последний раз, мне показалось, он готов был сдержать обещание. Жаль.

Я резко обернулась к ней.

– Чего вам жаль?

– Жаль, что он погиб.

– Он не погиб!

Глаза старухи округлились от удивления. Возможно, она не ожидала, что я отвечу ей с такой яростью.

– Но полиция закрыла дело.

– Ну и что, – ответила я на этот раз спокойным голосом. – Пока нет доказательств, он жив, аджиман.

– Мэволь не такая, как ты.

Шаманка спрятала руки в длинные рукава и внимательно изучала мое лицо, каждую черточку.

– Она не пытается ни в чем разобраться – просто верит тому, что ей говорят. И она права. Лучше жить тем, что есть, а не охотиться за тенями. Возвращайся домой, Хвани-я. Через несколько дней жители деревни соберутся здесь на общественный кут¹¹, мы с Мэволь будем очень заняты, поэтому лучше уходи. В последнем письме твоя тетя написала, что ты помолвлена. Выходи замуж, живи дальше. Зачем тебе наша глушь? Так хотел твой отец...

Она внезапно замолчала и скривилась.

Я оглянулась и увидела, что из-за раздвинутой решетчатой двери за мной наблюдает сестра. Я не видела ее с тех пор, как мне было тринадцать, а ей десять. В косой тени, которую она отбрасывала на пол, я разглядела, что ее волосы заплетены в неряшливую косу. Темные брови нависали над ее раскосыми глазами. Она, как и шаманка, подвела их углем, и они резко выделялись на ее бледной, будто светящейся коже.

Она ушла, даже не поздоровавшись.

Словно лед сковал мое сердце, и когда я заговорила, голос мой прозвучал очень холодно.

– Я проплыла по морю тысячу ли, – сказала я. – Хоть какой-то ответ я заслуживаю получить.

Снаружи завывал ветер, но в жалкой крошечной комнатке, в которую меня поселили на несколько дней, царил тишина. От ночного горшка, стоявшего в углу, воняло мочой.

Я зажгла сальную свечу, огонек затрепетал в темноте, и комната наполнилась тенями. В тысячный раз я открыла обгоревший дневник отца.

Большая часть страниц сгорела, сохранилось лишь несколько в самом начале, на которых можно было что-то прочесть. Я пролистала отчет отца о тринадцати пропавших девочках, мысленно додумывая те части и страницы, которые поглотил огонь. На последней странице в ряд были записаны имена, четырнадцать женских имен. Рядом с последним именем стояла точка. Жирная точка, будто отец снова и снова постукивал по этому месту кончиком каллиграфической кисти. О чем же он думал, перечитывая и перечитывая это имя?

Ынсук.

¹¹ Обряд общения с духами в Корее.

Кто такая Ынсу? Может быть, она из тех пропавших тринадцати? Но почему в списке четырнадцать имен? Шаманка сказала, что отец приехал на Чеджу, потому что решил, что давнее дело и новые преступления как-то связаны. Может быть, это правда. Что если воскресло прошлое – то прошлое, которое я никак не могла вспомнить?

Я вытащила из мешка свой дневник и открыла его на чистой странице. Потом закатала рукав, взяла бамбуковую кисть для каллиграфии, окунула ее в чернила и вывела маленькими буквами:

«Лесное дело пятилетней давности».

Резкая боль в левом глазу. Словно пелена заволочла мой взор, чернила растеклись по странице черными ветвями, передо мной были уже не буквы, а ветвистый лес. Я прижала пальцы к векам, снова открыла глаза, и лес исчез. Остался лишь аккуратный ряд знаков на чистом листе бумаги ханджи.

Я выдохнула и попыталась вспомнить все, что со мной случилось пять лет назад. Отец нашел меня в лесу на горе Халла недалеко от места предполагаемого самоубийства. Я снова окунула кисть в чернила и решила записать все что знаю:

«Мы пошли в лес вместе с папой и Мэволь. Сестренка убежала, мы пытались найти ее, и в итоге я заблудилась. Мы обе заблудились.

Несколько часов спустя папа вместе со слугами нашел нас лежащими без сознания в нескольких шагах от тела молодой женщины.

Ее звали Сохён.

А теперь пропал папа, и женщина по имени Поксун прислала мне его дневник».

Я постучала по губам концом бамбуковой кисточки. Одно ясно: эту Поксун нужно найти. А потом уже можно подумать, что делать дальше...

Кисть замерла в моей руке. Где мне ее искать?

Я вскочила на ноги и выбежала из комнаты, но не наружу, во двор, а в другую сторону, в жилую часть дома, откуда можно было попасть в любую из комнат. Я остановилась напротив комнаты сестры. Дверь была открыта, свечи зажжены, но внутри никого не было.

Я обошла весь дом в поисках Мэволь – все было тихо, лишь ветер завывал за стенами да слышался звучный храп шаманки Ногён. И тут я услышала странный шум за дверью.

Я вышла во двор, гудевший под порывами морозного ветра, пахнувший дымчатым запахом вековых сосен. Странный звук привел меня на кухню. Мэволь сидела на корточках на земляном полу и помешивала деревянной ложкой в глиняном горшке.

– Мэволь-а, – тихо шепнула я: мне не хотелось напугать ее.

Она продолжала помешивать, из горшка струился специфический лекарственный запах. Как-то Мэволь написала, что у шаманки Ногён больные ноги и что она частенько варит для нее корень чосыльссари – растения, которое оставалось зеленым всю зиму и, как говорили, обладало волшебными свойствами.

– Мэволь-а! – снова окликнула я сестру.

Она вскочила, сжимая ложку так, словно это был нож. Потом вздохнула с облегчением:

– А, это ты. – Она снова повернулась ко мне спиной и продолжила помешивать. – Чего тебе?

Я попыталась что-то сказать, но замолчала. Как заговорить с сестрой, с которой не виделась столько лет? Я немного помялась, но потом вздохнула и решила сразу перейти к делу.

– Я ищу женщину по имени Поксун. Как думаешь, кто-нибудь в этой деревне ее знает?

Мэволь накрыла горшок крышкой, а ложку отбросила в сторону. Она прошла мимо меня, не проронив ни слова.

Кровь бросилась мне в лицо.

– Мэволь-а! – Я выскочила за ней из кухни. – Я столько сюда плыла. Мне нужна твоя помощь. Наш отец пропал...

– Твой отец, не мой.

Я осеклась от неожиданности.

– Папа ради тебя вернулся на Чеджу.

Мэволь остановилась так резко, что я чуть не врезалась в нее. Она уставилась на меня своими раскосыми несимметричными глазами, один больше другого, и в них полыхала черная ненависть.

– Он вернулся из-за «лесного дела», хотел исправить свою ошибку.

– Какую ошибку? – переспросила я с раздражением. – Ты о чем?

– Он ошибся в тот день, и из-за этого все в нашей жизни пошло наперекосяк.

– Ошибку в тот день, Мэволь-а, допустила ты. Это ведь ты раскапризничалась и убежала.

– Так вот что он тебе рассказал, – парировала она, – что я заблудилась, потому что сама убежала?

Тон, с которым она это сказала, немного напугал меня. Сама я о том дне ничего не помнила и потому верила всему, что мне рассказали о нем другие, но при этом я никак не могла избавиться от страха, что мне врут. Однако папа не стал бы мне врать. В этом я не сомневалась.

– А почему я должна поверить тебе, а не папе? – спросила я. Живот скрутило от тревоги, и я продолжила, не дав сестре произнести ни слова: – Почему я вообще должна тебе верить? Ты постоянно лгала мне! Крада мои вещи, убегала из дома. Меня часто ругали, что я недоглядела за тобой!

– А как ты думаешь, кто превратил меня в лгуницу? Отец дал тебе все. А как же я? Меня он постоянно воспитывал. Я ничего не могла получить просто так. Я все время делала что-то не то, как бы ни старалась вести себя хорошо. Мне тоже хотелось того, что доставалось тебе, вот я и брала у тебя вещи... на время.

– «На время»! – Меня так развеселило это ее выражение, что я не удержалась и приснула. Потом уставилась в ночное небо, испещренное красными и темно-синими полосами, и задумалась, с чего это я решила, что мы с сестрой сможем понять друг друга. Я надеялась, что мы вместе будем искать отца, что его исчезновение как-то объединит нас.

– Пять лет, – вдруг сказала Мэволь, – мы не виделись пять лет. И тут ты являешься и даже не удосуживаешься спросить: «Как поживаешь?»

Чувство вины кольнуло где-то внутри, но я поскорей его отогнала. Папа неизвестно где, а она мне тут претензии какие-то предъявляет.

– Довольно, – огрызнулась я, – сама его найду, без тебя.

– Делай что хочешь.

Мэволь прямо покраснела от ярости, она собиралась сказать что-то еще, но вдруг замерла, уставившись мне за спину. Я оглянулась посмотреть, что она там увидела. За каменной стеной, окружавшей хижину, на фоне холма мерцало множество огней, будто звезды вдруг осветили ночь. Это были огни факелов. Огни становились все ближе и ближе, и постепенно в их оранжевом свечении я разглядела лица, истощенные и испещренные морщинами горя. Они шли против ветра, куда-то на север, в сторону черных хребтов горы Халла.

– Наверное, ее нашли, – прошептала Мэволь, – тринадцатую девушку.

Глава третья

Мэволь убежала обратно в дом. Я осталась одна во дворе, свет факелов становился все ярче, люди с изможденными лицами собирались у хижины шаманки.

– Что привело целую деревню к воротам шаманки Ногён? – спросила я тихим голосом.

Никто, похоже, меня не узнал. Все мое детство мои родители прятали нас с сестрой от посторонних глаз: то переодевали в чужую одежду, то возили в закрытом паланкине. Так поступали многие родители в Чосоне, отчасти для того, чтобы сохранить невинность и чистоту своих дочерей, отчасти из страха, что их дети могут оказаться в правительственном списке, и тогда их отберут и увезут куда-то. Так что меня совсем не удивили взгляды крестьян. Перед ними стоял совершенно незнакомый человек. Дело, из-за которого они пришли, было довольно срочным, и потому никто не стал тратить время и выяснять, кто я.

Высокая девушка с мертвенно-бледным лицом подняла факел высоко-высоко, и свет от огня отразился в ее темных, будто бездна, и полных отчаяния глазах. На мгновение мне показалось, что я гляжусь в свое отражение. Именно такой я была, когда узнала об исчезновении отца.

– Здесь не все жители деревни, только семья и родственники. Дома ли шаманка Ногён? – Девушка опустила глаза и говорила тихим, еле слышным голосом. Казалось, еще немного, и она упадет в обморок. – Мы хотели позвать ее с нами на гору Халла.

– Зачем? – спросила я.

– Моя... – Она моргнула, как будто все никак не могла поверить в то, что говорила. – Там моя сестра... Ее нашли... Она погибла.

Холодок пробежал у меня по спине. Мертвая девушка где-то там, на горе Халла – в бескрайней дикой местности, где так легко потеряться навсегда. Именно туда отправился отец, но так и не вернулся назад.

Я взглянула в сторону горы, и сердце заколотилось у меня в груди. Там в тумане пряталась тайна, нечто, что могло бы объяснить связь между похищением девушек и загадочной смертью. Если я смогу понять, что случилось с последней жертвой, может, мне откроется и все остальное.

– Сейчас позову шаманку, – сказала я.

Я повернулась к хижине и столкнулась лицом к лицу с сестрой. Лохмотья она сменила на белый конопляный ханбок, а в руках сжимала шаманскую погремушку для обращения к миру духов. Костяшки ее пальцев побелели от напряжения.

Мэволь прошла мимо, словно меня и не было, прямо к столпившимся перед воротами людям. Все они были на голову или две выше ее.

– Шаманка Ногён рано легла сегодня, – объяснила Мэволь. – Пусть отдохнет. Я пойду вместо нее.

– Пойдемте скорее, – крикнул кто-то из толпы, – пока гроза не началась!

Мэволь пошла за ними. Меня никто не пригласил, но я и не ждала приглашения: я направилась следом.

Мы шли сквозь тьму и свистящий ветер по бесплодной земле, покрытой камнями и редкой травой. Примерно через час или больше мы дошли до места, где тропа ускользала куда-то вглубь, на гору.

Крестьянин, который шел впереди с факелом в руке, протянул руку.

– Сюда!

Мы с Мэволь переглянулись. В тот миг, как мы ступили под сень деревьев, лес словно очнулся, будто огонь факелов разбудил его. Он скрипел и шумел, деревья раскачивались в разные стороны. Множество вопросов теснилось у меня в голове.

– Кто нашел ее? – спросила я у сестры погибшей девушки. Ее звали Ко Исыл – я слышала, как кто-то окликнул ее так, – и на вид ей было лет двадцать, а может быть, и больше. – И когда?

Исыл заговорила куда-то вниз, словно обращалась к подолю моего ханбока. Я еле слышала ее, так тихо и нервно она говорила.

– Крестьянин по имени Чхул пошел на гору нарубить дров и нашел ее, господин.

– А когда? – снова спросила я и подошла чуть ближе, чтобы слышать, что она пробормочет в ответ.

Исыл отвернулась и с мольбой взглянула на мою сестру. Ей явно было неловко, она вся покраснелась от смущения, и тогда я вспомнила, как я одета. Я же нарядилась в молодого дворянина. Эта маскировка защищала меня во время путешествия, но воздвигла стену между мной и Исыл. Я отошла немного в сторону, чтобы девушка успокоилась, и заметила, как постепенно расслабились ее напряженные плечи.

Наконец, Исыл ответила:

– Кажется, он сказал, что это было вечером. На закате он нашел... нашел мою сестру Хёнок.

– В каком состоянии было ее тело?

– Он слишком испугался, чтобы подойти к ней близко и рассмотреть ее, просто побежал сразу к моей матери рассказать обо всем. – В голосе девушки звучали слезы. – Хёнок было всего четырнадцать. Поверить не могу, что она умерла.

И тут все остановились. Я встала на цыпочки и вгляделась в темноту. Что там впереди? Но передо мной были только спины. Потом послышался чей-то шепот, бормотание, и тут кто-то пронзительно крикнул:

– Хёнок-а!

Я ускорила шаг, Мэволь поспешила за мной. Вскоре мы настигли толпу, люди перед нами теснились и вытягивали шеи, чтобы рассмотреть хоть что-нибудь. Сквозь стену спин я разглядела скалистый крутой обрыв, на самом краю которого лежала женская туфелька.

Страшное предчувствие всколыхнулось в моей груди. Только тот, кто бежит без оглядки, спасая свою жизнь, может потерять туфлю и не вернуться за ней.

Я отодвинула стоявших передо мной людей и смогла наконец все разглядеть. Склон спустился вниз примерно на тридцать шагов, у его подножья виднелись острые камни. И там, среди камней, лицом вверх лежала бледная девушка, ноги которой были вывернуты под странным углом.

Женщина позади меня продолжала кричать:

– Хёнок-а! Хёнок-а! – Горе, звучавшее в этом крике, было таким острым, что мне казалось, будто меня режут ножом. – Вставай! Я здесь! Мама пришла за тобой!

Но Хёнок не двигалась.

Я взяла факел из рук крестьянина и, хватаясь за ветви деревьев и выступающие из земли корни, заскользила вниз по склону. Спустившись вниз, я перелезла через камни и остановилась у тела девушки. Желудок скрутило, и я еле устояла на ногах, когда заглянула ей в лицо. Совсем еще девчонка, младше меня, губы ее были слегка приоткрыты, а глаза широко распахнуты – она будто смотрела сквозь ветви деревьев на брызги звезд, расплескавшихся по небу.

– Хёнок, – шепотом окликнула я ее по имени, которым звала ее мать. – Хёнок-а, ты слышишь меня?

Она не моргала.

Во рту у меня пересохло, язык прилип к нёбу. Я не стояла так близко к покойнику с тех пор, как умерла мама. Маму я обнимала, пока она не стала совсем холодной. Окончательность и бесповоротность смерти... пугала меня.

– Поговорите с ней, – прошептал кто-то. Я не сразу поняла, что крестьяне обращаются к моей сестре. – Госпожа Мэволь, поговорите с ее духом. Она хочет что-нибудь сказать нам? Это был несчастный случай?

Мэволь казалась бледной и испуганной. Раньше ей не доводилось видеть покойников. Мама умерла, рожая братика, который тоже родился мертвым, и Мэволь к ней не пустили.

– Госпожа Мэволь?

Поддавшись требованиям крестьян, Мэволь подняла глаза к небу и потрясла погремушкой. Жуткий, резкий, лязгающий звук раздался в ночи. Она запела что-то тихо-тихо, моля дух Хёнок ответить ей. Затем Мэволь повернулась левее, подставляя ухо кому-то невидимому, словно слушала, что он ей нашептывает.

– Я чувствую ее, – сказала сестра. – Она очень сердита и полна хана¹². Она жаждет справедливости.

«Ну конечно, дух Хёнок сердится, – подумала я. – Кто бы не разозлился, если бы его жизнь оборвалась так рано».

Я старалась не слушать, что говорит Мэволь, и вспомнить то, чему научил меня отец.

Что бы он сделал, будь он здесь? Другие полицейские обычно строили расследование на догадках, искали доказательства, подтверждающие их предположения, отец же обращал внимание на всякую ерунду, мелкие детали, и именно они помогали ему раскрыть преступление. Медленно поворачиваясь на месте слева направо, он внимательно осматривал место преступления и записывал каждую мелочь в черный блокнот.

Я не взяла с собой ничего, на чем можно было писать, поэтому попыталась запечатлеть все увиденное на чистых листках своей памяти: тувелька над обрывом, дорожка тянущейся вниз примятой травы – вероятно, здесь Хёнок скатилась вниз.

Я повернулась, чтобы спросить Исыл, когда она в последний раз видела сестру живой, но не нашла ее среди спустившихся и обступивших меня крестьян. Пока я вглядывалась в толпу, кое-что странное привлекло мое внимание. Среди деревьев мелькнул огонек, будто светлячок мигнул в ночи, а потом исчез.

– Кто этот юноша? – вдруг спросил мужской голос. Один из крестьян ткнул в меня пальцем, возможно, отец Хёнок или дядя. – Кто его привел?

– Я приехал с материка, – ответила я и взглянула на Мэволь в надежде, что она мне подыграет. – Я хочу отыскать своего дядю, детектива Мина.

Некоторые из крестьян уставились на меня так, будто у меня выросла лишняя пара глаз, но остальные не подали виду, что чем-то удивлены. «Держись прямой, – приказала я себе, почувствовав на лбу капельки пота. – Не опускай глаза».

– Нам не нужна помощь. Чужакам мы не верим!

Крестьяне одобрительно заворчали. Хмуρο и враждебно они уставились на меня. Чужак, да еще и дворянин. Моя маскировка в этой деревне полностью провалилась. Мне нужно было вытянуть из них самые сокровенные секреты, но люди не рассказывают секретов тем, кто может им навредить. Мне стоило одеться по-другому, выглядеть слабой и уязвимой.

– По мне так любая помощь хороша, – сказал вдруг кто-то в толпе. – Нужно найти чудовище, которое крадет наших девочек.

Поднялся шум, крестьяне заспорили между собой, а я попыталась снова сосредоточиться и вспомнить, как бы поступил на моем месте отец. Осмотрев место преступления, он обычно переходил к осмотру тела.

¹² Слово, обозначающее целую гамму эмоций: ярость, беспомощность, тоску, неразрешенную обиду, желание отомстить.

Я присела на корточки перед телом Хёнок. Ей было не больше четырнадцати зим. Блузка чогори¹³ и длинная юбка – вот и вся ее одежда. На белой ткани были очень заметны бесчисленные маленькие прорехи. Скорее всего, девушка бежала через лес, натыкаясь на острые ветви, вся испачкалась и поранилась.

Но тут я заметила еще кое-что. Под тонким слоем листьев, прямо у ее запястья, лежала веревка.

«Смотри внимательно, думай. Главное, верно понять то, что видишь. – Отец будто бы склонился рядом со мной и тоже разглядывал бездыханное тело девушки. – Нельзя допустить ошибку, она может оказаться смертельной».

Я закатала рукава блузки Хёнок. На обоих ее запястьях остались ссадины. Взглянула на ноги девушки: длинная юбка слегка задралась, обнажив лодыжки с такими же отметинами. Но веревка рядом с телом была только одна, и ее длины вряд ли хватило бы, чтобы связать и запястья, и лодыжки одновременно.

Свет от огня упал на лицо Хёнок: ко мне подошел незнакомый молодой человек с факелом в руках. Он был одет как дворянин – в шелковое зеленое пальто, но его подол и воротник выглядели довольно изношенными и рваными, будто он десять лет подряд носил одну и ту же одежду. На вид ему было не больше двадцати пяти.

– Вы что-нибудь нашли? – спросил он.

Он как будто и правда хотел узнать, что я думаю, поэтому я ответила:

– Посмотрите на ее запястья. Кто-то связывал их, и лодыжки тоже. Но веревка только одна, ее перерезали ножом. Где вторая веревка, непонятно...

Незнакомец присел на корточки рядом с телом Хёнок. Он поднес факел слишком близко к моему лицу, и я, отшатнувшись, поднялась на ноги. Зачем он щупает ее, сжимает ей руки и ноги? А теперь в задумчивости теребит короткую черную бородку. О чем он думает?

– Посмотрите, – сказал незнакомец и осветил факелом фиолетовую полосу на руке девушки. – Здесь скопилась кровь. Видите, я нажимаю на это место, но цвет не уходит. Руки и ноги тоже ооченели, значит, она умерла днем.

Я недоуменно уставилась на него. Как он это понял?

В ответ он пристально взглянул на меня. Точеные черты лица, темные брови, глубоко посаженные умные глаза. Легкая улыбка тронула уголки его губ.

– Вы чем-то озадачены, юноша?

– Простите, но кто вы такой? – спросила я.

– Можете обращаться ко мне «ученый Ю».

– Скорее бывший ученый, – пробормотал кто-то в толпе. – А теперь алкоголик, смутьян, играет на деньги или спит весь день.

– Сколько бы я ни пил, знаний моих у меня не отнять, – ухмыльнулся Ю. Он провел пальцем по краю своей высокой и пыльной черной шляпы и сдвинул ее чуть-чуть набок, как делают пьяницы. – Я врач в третьем поколении.

Я собиралась вновь осмотреть тело, но остановилась. Меня оглушила внезапная тишина – Мэволь больше не трещала погромучкой. Я подняла голову и увидела, что сестра, широко распахнув глаза, в ужасе смотрит в сторону темного леса.

Туман вновь опустился перед моим взором. Что это – галлюцинация или воспоминание? Я будто перенеслась на пять лет назад, десятилетняя сестренка в ужасе смотрит в сторону темного леса и все шепчет и шепчет: «Осютта».

Я почувствовала острую боль в затылке. Десятилетняя сестра вновь стояла передо мной и повторяла те же слова. Вот что они значили: «Оно здесь».

– Что? – Я крепче сжала факел. – Что ты видишь?

¹³ Национальная корейская женская одежда состоит из чогори – блузки с открытым воротом – и чхимы, то есть юбки.

– Зло.

Тело унесли на деревянных носилках, все разошлись кто куда, поискать свидетелей или подозреваемых. На месте преступления остались только мы с Мэволь, да еще ученый Ю, который с трудом сдерживал волнение. Он, казалось, был искренне рад помочь мне в тайном расследовании, и я была очень благодарна ему за это. Мне не хотелось оставаться в лесу наедине с сестрой. Она так пугала меня: загадочный взгляд, дрожащая погремушка.

– Вот там, – я указала в сторону леса, – там, среди ветвей, чуть раньше я видела, как мелькнул огонек.

Я прекрасно понимала, что одной мне в лес идти нельзя, обратно дорогу к хижине я не найду. Заблужусь снова, как пять лет назад. Я дружелюбно улыбнулась ученому Ю и сказала:

– Хотите, пойдем вместе? Может быть, нам удастся понять, что произошло с жертвой.

– Конечно, я пойду с вами, – махнул он рукой в ответ. – Надо же кому-то за вами присмотреть.

Присмотреть? Похоже, он считает меня желторотым юнцом, ничего не понимающим в жизни. И все же он понятия не имеет, кто я на самом деле, и моя тайна наверняка потяжелее всех его секретов. Я подняла факел и шагнула вперед, но потом вдруг вспомнила о сестре, которая тихо стояла где-то позади.

– Хочешь, возвращайся домой, – предложила ей я.

Не проронив ни слова, Мэволь прошествовала мимо меня в лес – туда, куда собиралась я сама. Я прикусила язык, и вместе с ученым Ю мы пошли вслед за ней, туда, в лесную глушь.

Ветки хрустели под ногами, будто мы шли по чьим-то костям.

Туманный воздух пах мхом и росой.

Где-то рядом послышался стук копыт. Кто это? Лошади? Крестьяне? Мы остановились. Мимо нас в голубовато-сером тумане, окрашенном мерцающим оранжевым светом факелов, промелькнули тени каких-то животных. Стадо косуль, спустившихся с горы. Они растворились в тумане, и ученый Ю решил первым нарушить молчание.

– Значит, вы ищете детектива Мина? – спросил он. – Я был с ним знаком.

Я почувствовала, как бешено колотится мое сердце. Призрачный образ отца замаячил перед глазами, отражение, мерцающее на поверхности чужой памяти. Из всех сил я постаралась унять волнение и спросила спокойным голосом:

– Вы знаете моего от... детектива Мина?

– Он расспрашивал людей о пропавших девочках, а также о самоубийстве Сохён.

Сохён! Так звали женщину, погибшую в лесу на горе Халла в тот же день, когда отец нашел нас с Мэволь в лесу.

– Что вы о ней знаете? – спросила я.

– То же, что и все, – ответил он. – Она работала в деревне Новон, продавала корзинки и овощи, которые сама же и выращивала. Семьи у нее здесь не было, хотя многие утверждали, что говор у нее был, как у местной, так что, скорее всего, она была уроженкой нашего острова.

– Какой она была? – все допытывалась я.

– Семь лет назад она появилась здесь вся в синяках и в лохмотьях. Сам я ее никогда не встречал, я приехал на Чеджу только полтора года назад. Но крестьяне рассказывали, что до сих пор помнят ее затравленный испуганный взгляд – таких испуганных глаз они никогда раньше не видели. Потом пошел слух, что она была из тех девушек, которых отправляли в другое государство в качестве дани, и что она сбежала из империи Мин.

Королевство, в котором ее отдали бы вельможам Мина, столь похожим на мужчин Чосона... Что ж, эта история меня совсем не удивляла.

– Обычно такие девушки не возвращаются домой, они предпочитают свести счеты с жизнью, – продолжал Ю. – Но Сохён выбрала жизнь. Возможно, она решила, что, если приедет в деревню, где ее никто не знает, ей удастся прожить обычную жизнь.

– Но план ее провалился, – догадалась я.

– Да. С тех пор как все узнали, что она не обычная девушка, отношение к ней изменилось. Хотя она ведь могла остаться нетронутой, девственницей – возможно, ей удалось вовремя сбежать из Минского Китая. Но все равно крестьяне начали избегать ее как чумы. Те два года, что она провела здесь, она прожила в одиночестве, совсем тихо.

Голос ученого дрогнул, он быстро опустил глаза, но я успела заметить, что они наполнились слезами.

– Это все, что вы знаете? – спросила я. – Кто-нибудь мог желать ей зла?

Ю нахмурился, и на какой-то миг из пьяного шута он превратился в серьезного ученого.

– Как я уже сказал, жила она очень тихо, но всякий раз, когда кто-то пытался сблизиться с ней, кричала, что среди нас живет чудовище. Наверное, она чего-то боялась. С каждой луной она худела все больше и больше и перед самой смертью стала худая, как кость.

– Откуда вы все это знаете? Вы же здесь только полтора года?

– Ее хорошо помнят в деревне, – ответил ученый. – А я запомнил все, что мне рассказали. Некоторые верят, что ее дух похищает их дочерей из мести.

Неудивительно, что крестьяне придумали такую легенду. Люди так суеверны.

– А как вы считаете, что случилось с Сохён? – спросила я.

Он окинул меня долгим насмешливым взглядом.

– Мне бы не хотелось фантазировать на эту тему, а вам?

Разговор не клеился, мы молча карабкались вверх, цепляясь за стволы деревьев и выступающие из земли камни, но я не могла перестать думать о Сохён. Я шла автоматически, словно в каком-то трансе, одна нога, вторая нога, одна – вторая, одна – вторая.

Вот, значит, кем она была. Девушкой, предназначенной в дань захватчиком.

С ней случился мой самый страшный кошмар.

Родители постоянно прятали нас с Мэволь от посторонних глаз, даже соседи ничего о нас не знали. Мама и папа пугали нас рассказами о солдатах, которые связывают кричащих и рыдающих девушек и уводят их с собой. Потом их грузят на корабли и увозят куда-то далеко-далеко, в неведомое королевство. Все это делалось по приказу Сюаньдэ – императора династии Мин. Довольно долго я считала эти истории просто страшными сказками, пугалками для маленьких непослушных девчонок. Пока однажды служанка не прибежала к нам с криками.

– Спрячьте дочерей! – приказала она маме. – Да получше, чтобы их никто не нашел.

Мать успела только спросить, что случилось, и тут, в мерцающем свете факелов, мы увидели во дворе перед нашим домом отряд солдат. Командовал ими кровожадный на вид мужчина, эмиссар, прибывший на Чеджу, чтобы отбирать у родителей их юных невинных дочерей. Вероятно, кто-то рассказал ему, что у отца две красивые дочери, и вот он пришел к нам, чтобы выбрать одну из нас и забрать ее с собой, как дань императору.

Эмиссар, в конце концов, передумал, солдаты ушли с нашего двора. Для меня так и осталось тайной, почему он так поступил.

– Смотрите!

Неожиданный крик Мэволь заставил меня вздрогнуть. Она первая заметила хижину. Она была совсем маленькой, буквально на одного или двух человек. Стены ее были сложены из лавовых камней, заросших старым мхом. Ученый Ю раздвинул скрипучие деревянные двери и первым зашел внутрь; внутри я разглядела небольшую комнатку с земляным полом и паутиной по углам.

Я вошла в хижину вслед за ним, Мэволь осталась снаружи. Она как будто сильно испугалась, даже побледнела от ужаса. На какое-то мгновение мне захотелось остаться вместе с

сестрой, как-то успокоить ее... но мне необходимо было понять, что за огонек я видела тогда среди деревьев.

– Ученый Ю, – окликнула я спутника. В хижине я огляделась, пытаюсь понять, живет ли здесь кто-нибудь. – Как долго пропадала Хёнок?

– Не меньше года, как я слышал. Но вряд ли ее держали здесь, здесь бы ее быстро нашли.
– Хм.

В волнении я прикусила нижнюю губу. В этих ледяных влажных каменных стенах в голову лезли только страшные мысли. Все остальные двенадцать девушек тоже мертвы, в этом я не сомневалась. Иначе где они? Их бы давно уже нашли.

У стены лежала старая грязная циновка и одеяло. Я присела на корточки, чтобы осмотреть место, где наверняка спала Хёнок, и обнаружила вдруг длинный черный волос. А на самом краю циновки, куда, скорее всего, она клала ноги, я увидела веревку с потертыми краями. Должно быть, Хёнок нашла что-то острое – какой-нибудь камень – и им перерезала веревку. На стене у самого пола виднелось девять кругов – скорее всего, их нацарапали тем же камнем.

– Нашли что-нибудь? – спросил ученый Ю.

– Что-то нарисовано на стене, и веревка перетерта. – Я провела рукой по циновке и наткнулась на какую-то неровность. Под низом оказался небольшой зазубренный камень. Так я и думала. – Она перерезала веревку, которой были связаны ее лодыжки, и сбежала.

– Но руки у нее тоже были связаны, – возразил Ю. – Вы сказали, что веревку разрезали ножом после того, как она упала с обрыва. Не могла же она сама это сделать?

– Возможно, это сделал похититель.

– Зачем?

Я старалась говорить уверенно, как отец. Он хорошо разбирался в уликах и в том, что они означают, хотя не всегда знал наверняка.

– Наверное, он не хотел, чтобы Хёнок нашли связанной. Хотя странно, что он бросил веревку прямо рядом с телом, не взял ее с собой...

– И это значит?..

Я провела пальцем по острому краю камня, и тут меня осенило.

– Кто бы ни перерезал веревку, его застали врасплох на месте преступления, вот он ее и бросил.

– Врасплох? Может быть, крестьянин его видел, тот, который первым нашел девушку?

– А может, похититель услышал, что мы близко. – Я с трудом сдерживала возбуждение. – Возможно, он целый день искал тело Хёнок, и только разрезал веревку, как появились мы. Вы не знаете, в котором часу нашли тело?

– Об этом надо спросить у Чхула, крестьянина, который нашел ее. Но мне кажется, вечером, часов за пять до того, как мы туда пришли...

Ученый неожиданно замолчал. Я оглянулась. Ученый удивленно и растерянно разглядывал меня, потом спросил шепотом:

– А почему «он»?

– В каком смысле?

– Вы назвали похитителя «он». С чего вы так решили?

Я снова взглянула на грязную циновку, длинный черный волос и перерезанную веревку.

– Женщина никогда бы так не поступила с девушкой.

Даже страшно было представить, что пережила Хёнок. Однако ее тело тщательно осмотрят, и мы в любом случае узнаем, через что она прошла, хочется нам того или нет.

– Ты была права! – донесся снаружи голос Мэволь.

Я выглянула из хижины и увидела, что Мэволь склонилась над чем-то, что лежало у ее ног. Бумажный фонарь.

Ученый Ю пронесся мимо меня и присел на корточки рядом с Мэволь. Он дотронулся большим и указательным пальцами до фитиля свечи, потом медленно поднял на меня глаза. В его взгляде больше не было насмешки, которую я видела, когда он пообещал «присмотреть» за нами. Его глаза были полны тревоги.

– Еще теплый, – прохрипел он.

Глава четвертая

Я пришла в себя и обнаружила, что спала, положив голову на низкий столик, глаза опухли от пролитых во сне слез, но я забыла, что мне снилось. Грудь болела, будто сердце внутри треснуло, словно перезрелая хурма. Я села и попыталась распрямить затекшую спину, протерла глаза.

На листке бумаги ханджи, на которой лежала моя голова, много раз было написано единственное слово. Я не помню, как писала его, но вот оно передо мной:

Отец
Отец
Отец
Отец
Отец

Бывали дни, когда я почти не думала о нем, но случалось, вот как сегодня, я так остро чувствовала его отсутствие, что оно пронзало мне сердце, и я тонула, буквально захлебывалась в скорби. Я все еще надеялась, что он, возможно, жив, но то, что я видела прошлой ночью, поколебало мою уверенность.

Труп Хёнок стоял у меня перед глазами: сломанные ноги, вывернутые под странным углом, широко распахнутые глаза. Что могло так напугать ее, что она бросилась навстречу смерти? И кто все эти месяцы держал ее в плену?

Странное шуршание в углу привлекло мое внимание. Я обвела взглядом комнату, ожидая увидеть пробравшегося в дом лесного зверька, но вместо этого разглядела в полумраке сестру, скорчившуюся в дальнем углу у раздвижной двери. Видимо, она думала, что я сплю, и потому рылась в моем мешке. Наглая сорока – она постоянно воровала у меня блестящие вещи.

Мэволь вытащила из мешка бронзовое ручное зеркальце. Это был не обычный предмет, а настоящая роскошь. Она поднесла его к лицу близко-близко, словно хотела изучить все поры у себя на коже.

Мне захотелось прикрикнуть на нее, чтобы она не смела больше прикасаться к моим вещам, но потом я передумала. Мне нужно было выведать у нее кое-что важное. Вдруг она и правда может разговаривать с духами. А если так... пусть спросит у мертвых, кто убийца и жив ли отец.

– Хочешь, возьми себе, – предложила я.

Сестра вздрогнула и бросила зеркальце обратно в мешок.

– Нет.

Я встала из-за стола и подошла к ней.

– Могу подарить его тебе, если хочешь.

Мэволь задумалась, снова вынула зеркальце из мешка и прижала его к груди. По ее непроницаемому лицу трудно было понять, благодарна она или нет. Сестра поднялась на ноги и собралась уже уйти, но я перегородила ей путь.

– Я подарю тебе зеркальце, – повторила я, – но ты должна сказать мне правду.

Мэволь прищурилась.

– Какую правду?

– Ты умеешь общаться с духами?

– Я не слышу того, что они говорят, – медленно произнесла сестра, словно хотела предупредить меня о чем-то. – Ясно разглядеть и услышать их я не могу. Они как тени в тумане. В очень густом тумане.

– Значит, ты не знаешь, как их вызвать или изгнать?

Она опасливо глянула на дверь, и я догадалась, что ей хочется признаться в чем-то, чего шаманка бы не одобрила. Сестра пожалала тоненькими плечами.

– Я не знаю, как работают заклинания. Шаманка Ногён говорит, что они действуют. Одно я знаю точно: я дарую людям надежду. И я не сомневаюсь, что духи существуют.

Я внимательно разглядывала сестру. Отец говорил, что пять лет назад Мэволь устроила истерику и отказалась идти в лес, сквозь который надо было пройти, чтобы попасть на могилу к дедушке. Видимо, она почувствовала нечто зловещее в лесу.

Когда позже обнаружили тело Сохён, отец поверил, что Мэволь чувствует присутствие потусторонних духов, но мне было сложно себе такое вообразить. Я часто ловила себя на том, что с недоверием читаю письма Мэволь, если она рассказывает в них о духах. Многие в Чосоне воспринимали это другое измерение, как вторую реальность, я же сомневалась, что она существует. Как можно верить в духов, если они невидимы?

– Я тебе не верю, – тихо прошептала я. Мэволь не услышала, она заботливо протирала новое зеркальце.

Я потуже затянула пояс ханбока, который почти не снимала с начала путешествия, потом расчесала волосы, пока они не стали мягкими и податливыми, как шелк, скрутила их в пучок на макушке и проткнула серебряной булавкой. Булавкой отца. Вслед за этим взяла черный кат¹⁴ и водрузила его на голову. Я завязывала ленты на подбородке и чувствовала на себе пристальный взгляд Мэволь. Ей явно хотелось спросить: «Куда ты?» Я бы даже обрадовалась, если бы она спросила, но она промолчала. Лишь повертела зеркальце в руках, а потом сказала:

– Нужно помочь шаманке подготовиться к куту. Столько всего предстоит сделать. Самый большой праздник в году.

Она прошла мимо меня и исчезла за дверью, прихватив с собой зеркальце.

– Ну и иди, – пробурчала я себе под нос и полезла в мешок. Главное не забыть одну важную вещь. Наконец я их вытащила. Бусы с деревянным свистком отца. Я носила свисток на шее, на удачу. – Разберусь во всем и без тебя.

* * *

Все отцовские дневники, в которые он записывал расследования, я проштудировала от корки до корки. Шестьдесят томов. В них он не просто описывал преступления, но писал и об уликах, и о том, как они приводят к преступнику. Интересно было наблюдать, как мелкие детали, казавшиеся незначительной ерундой в начале расследования, вроде брошенной вскользь фразы свидетеля, превращаются в главное доказательство. «Показания свидетелей, – написал он в конце одного отчета, – играют огромную роль, они помогают воссоздать точную картину. Иногда только благодаря им удается заполнить пробелы».

Итак, нужно добыть показания свидетелей. Двое человек меня интересовали больше остальных.

Первой была Ко Исыл, сестра жертвы. Мы виделись прошлой ночью, но я не успела расспросить ее как следует. Мне хотелось услышать ее версию произошедшего, пока она многого не позабыла. А найти ее несложно, спрошу дорогу у кого-нибудь. В такой маленькой деревеньке, как Новон, все друг друга знают.

Вторым человеком, с которым мне хотелось поговорить, была Поксун, женщина, которую я никогда не встречала. Она каким-то образом была связана с исчезновением отца, но как именно, я пока не могла понять. Я знала лишь то, что она заплатила путешественнику, чтобы он привез мне папин обгоревший дневник. Нужно было расспросить этого человека, но он передал дневник через служанку, а она, конечно же, ни о чем его не спросила.

¹⁴ Мужская шляпа.

Все эти мысли не давали мне покоя. Я остановилась перед конюшней и подумала, что можно одолжить у шаманки лошадь. Она вряд ли рассердится. У нее ведь целых четыре пони. Каждая семья на этом острове разводила лошадей. Пешком до деревни Новон мне придется идти не меньше двух часов, а на лошади я доберусь до нее в два счета.

Как только я въехала в деревню, навстречу мне начали попадаться крестьяне, и у всех лица были, как на поминках, полные боли, страдания и страха. У одного старика я спросила, где мне найти Ко Исыл, он взглянул на меня потухшим безжизненным взглядом и прошептал:

– Она прислуживает на постоялом дворе «Кэкчу» у госпожи О.

Я поехала дальше и остановилась у дзельквы, которой на вид было не меньше сотни лет. То самое дерево. Еще в детстве оно попадалось мне на пути по дороге домой. Если я сверну сюда, дорога приведет меня к дому, и все мои детские воспоминания разом воскреснут. На минутку я остановилась в нерешительности, потом развернула пони и поскакала по извилистой аллее, деревья которой способны защитить путника от самого яростного ветра. Я проехала мимо загона с черными визжащими свиньями и оказалась перед старым домом, домом моего детства.

На широком дворе красовались дом и две пристройки, их соломенные крыши сияли на солнце белизной и золотистыми прожилками. Позади высились зеленые деревья, чьи листья колыхались на ветру – знакомый с детства звук. Низенькая ограда из черных камней окружала поместье отца, скромное и небольшое, совсем не изменившееся за пять лет. Отцу не хватило бы средств, чтобы оплатить доставку материалов с полуострова для постройки кивачип¹⁵. Да и неразумно было строить на Чеджу большой дом. Погода здесь была прескверная: шквальный ветер, постоянные дожди. Особняк бы не выстоял в столь суровых климатических условиях.

У нас был обычный дом, не причудливый особняк с черепичной крышей, но я любила его всем сердцем. Так любят старую книгу со всеми ее вмятинами, порезами и загибами. Грусть и щемящая ностальгия всколыхнулись в моей груди, когда я подъехала к чоннану – входным воротам, каменным столбам; между ними укладывались бревна, по количеству которых можно было понять, дома ли хозяин. На земле лежало три бревна, и это означало, что хозяин дома: «Добро пожаловать».

Нервное напряжение сковало мое тело.

Что за хозяин живет теперь в этом доме?

Я быстро привязала лошадь к столбу, потом пробежала мимо каменных колонн, больших ворот с соломенной крышей и деревянных раздвинутых дверей, словно приглашавших меня зайти в просторный двор. Ни сорняков, ни пыли. Кто-то и правда заботится об этом месте. Может быть, это всего лишь жестокая шутка, может быть, папа все это время был дома?

Я заглянула в ближайшую комнату – это оказалась кладовая, в ней стояли горшки с квашеными овощами. Сквозь еще одну незапертую дверь я попала в санбан – гостиную, где мы обычно обедали.

Тут я остановилась.

Комната была пуста, совершенно пуста... И все же я будто вернулась назад во времени, прошлое вновь ожило. Солнце освещает деревянный пол и купается в пиалах, стоящих на низеньком столике. Мама в ярко-синей юбке сидит на полу и шьет. Папа с ней рядом протирает лезвие меча-трости. А я бегаю за сестрой и что-то кричу ей.

Тут я моргнула, и все это исчезло. В комнате снова стало пусто и темно, восторг потух, и вместо драгоценных алмазов у меня осталась кучка пепла. Прошлое затаилось по углам, прошлое, которое никогда больше не вернется.

– Есть кто-нибудь дома? – крикнула я, и мой голос дрогнул от страха не услышать ответ. Я взялась за латунную ручку двери, которая вела в отцовскую часть дома.

¹⁵ Дом с черепичной крышей. В таких домах жила знать, дворяне.

– Абоджи?¹⁶

И тут я услышала знакомые шаги – уверенную неспешную походку. Я бросилась обратно и выглянула во двор. Пожилая женщина склонилась перед мужчиной того же роста и телосложения, что и мой отец.

Я захлебнулась от счастья, сбежала по ступенькам и кинулась через двор к этому человеку. Он стоял ко мне спиной. Как же мне хотелось снова увидеть его лицо! Морщинки по краям глаз, которые становились глубже, когда он улыбался, короткую бородку, щекотавшую меня при поцелуях. Он был огромный, высокого роста – великан, охранявший меня всю мою жизнь.

– Абоджи!

На этот раз отец услышал меня и обернулся. Передо мной стоял незнакомый мужчина с выпирающими скулами и внимательными темными глазами. В его черных, собранных в пучок волосах виднелись седые пряди. Одет он был в шелковый костюм, украшенный золотистой вышивкой. Рядом с ним стояла служанка, это можно было понять по ее одежде.

Я смутилась и нервно провела рукой по бровям.

Значит, отца я пока не нашла.

Сердце мое сжалось от острой боли. Я попыталась вздохнуть, но стало лишь больней.

– Детектив Мин нанял служанку Ккотним. Все эти пять лет она следила за его домом, – объяснил незнакомец, увидев мое замешательство. – Он хотел вернуться сюда вместе с семьей и устроить в этом доме праздничный пир. Но потом его, кажется, повысили в должности, так? «Величайший детектив Чосона», так его называли. Даже я об этом слышал здесь, на Чеджу.

Я почувствовала, что вот-вот расплачусь, так сильно было мое разочарование. Но сдержалась и прошептала:

– Кто вы такой?

– Старейшина Мун, – представился он. – Через меня судья общается с крестьянами.

– И что вы делаете в моем...

Я вовремя остановилась, слова «в моем доме» чуть не сорвались с губ.

– И что вы здесь делаете?

– Пришел попросить служанку сообщить мне, если она тебя увидит, – ответил старейшина, потом повернулся к старухе и объяснил той, что она может идти.

Как только мы остались одни, он продолжил тихим ласковым голосом:

– До меня дошли слухи, что дочь детектива Мина приехала на остров расследовать его исчезновение. Какая удача, что я встретил тебя здесь.

– О чем вы говорите? – прошептала я в паническом страхе.

– Капитан Ки написал мне, Мин Хвани. Он понял, что ты приедешь сюда, и попросил меня отправить тебя обратно к тете.

Мин Хвани! Холодок пробежал по моей спине. Он назвал меня настоящим именем! Я отступила на шаг.

– Вы знаете, кто я?

– Ты очень похожа на свою маму, – сказал он. – Но глаза у тебя отцовские.

Невероятно! Он узнал меня! Родители все детство прятали меня от посторонних глаз, я не думала, что здесь, на Чеджу, кто-нибудь может узнать меня. Ни мама, ни папа этого бы не хотели.

– А почему на тебе мужская одежда? – спросил деревенский старейшина.

Я почувствовала, как пламя поднялось по горлу, как запылали от стыда щеки.

– Я слышала, что многие женщины так путешествуют ради безопасности. – Я снова моргнула, не в силах справиться со смущением. – Скажите, а мы встречались раньше?

¹⁶ Отец.

– Только один раз, – ответил он. – Крестьяне рассказали мне, что в лесу случилось нечто странное, и я решил зайти к твоему отцу, узнать все поподробней. Я хотел расспросить и тебя, но ты ничего не помнила.

– Я не помню даже, что вы приходили, – прошептала я. – Вы хорошо знали моего отца?

– Довольно хорошо. Прекрасный был человек, он долгие годы общался с закоренелыми преступниками, но это не оставило на нем отпечатка. – Старейшина Мун вздохнул и взглянул поверх черных каменных ворот на бескрайнее небо. – В отличие от других полицейских, он не стал злобным и неприветливым от того, что постоянно сталкивался с чудовищами. Нет, он смеялся вместе с крестьянами и плакал, когда плакали они.

Да, таким был мой отец. Тот, кого я так отчаянно искала, ради которого готова была отдать жизнь.

– Господин, прошу вас, – прошептала я, – не говорите капитану Ки о том, что нашли меня.

Он молчал, и в этой напряженной тишине я почувствовала, как пот капает с моего лба.

– Не меня тебе следует бояться, – проговорил он наконец. – Дядя может доставить тебе большие неприятности.

– Дядя? – У меня были родственники на Чеджу, но не в деревне Новон. Он что-то перепутал. – Какой дядя?

– Твой дальний родственник. Сестра твоего отца, госпожа Мин, была замужем за знатным человеком, пока тот не умер, – объяснил он. Это я и так знала. – А муж сестры этого человека – судья Хон.

«Действительно, очень дальнее родство», – подумала я.

И тут меня осенило, что на корабле я разговаривала именно с судьей Хоном. Я задумалась над этим странным совпадением, но на Чеджу они случались часто. Здесь все были знакомы друг с другом и нередко связаны родством. Но у меня не было времени поразмыслить над этим, так как старейшина снова заговорил:

– В любом случае я постараюсь как-то отвлечь судью, если ты захочешь здесь остаться. Он был знаком с твоим отцом.

Его слова меня заинтересовали.

– Насколько близко знаком, господин?

– Довольно близко, полагаю. Твой отец признался мне как-то, что в прошлом восхищался Хоном за его неистребимое чувство справедливости. Но теперь судья стал другим человеком, и если он узнает, что ты здесь...

– Он не узнает, – заверила я его. – Если только вы сами не сообщите ему об этом.

Старейшина Мун заложил руки за спину, на его лице появилось задумчивое выражение. Затем он ответил:

– Что ж, хорошо, я ничего ему не скажу.

Я дерзко добавила:

– И моей тете ничего не пишите.

– Даю тебе слово, – согласился он. – Но у меня есть два условия. Во-первых, ты сразу же скажешь мне, если окажешься в опасности. Во-вторых, как только дело будет раскрыто, ты вернешься к тете.

– Спасибо большое, – обрадовалась я, но вдруг замолкла. Слишком просто мне удалось уговорить его. – Почему вы мне помогаете?

– Я простой деревенский старейшина, но у меня общие предки с родом Нампён Мун через Мун Чан-Пиля. Слыхала о таком?

– Это великий военачальник.

– Правильно! – Он как будто очень обрадовался, что я знаю, кто такой Мун Чан-Пиль. – Теперь ты понимаешь, что такие качества, как храбрость и честь, всегда ценились в моем роду.

Он замолчал, потом внимательно посмотрел на меня, так что я смутилась и покраснела. Затем мягко произнес:

– А ты... Ты отправилась в такое опасное путешествие ради того, чтобы найти своего отца... Я бы гордился тобой, будь ты моей дочерью. И твой отец тоже гордился бы.

Я замерла, прислушиваясь к его словам, и ноющее чувство холодного одиночества, которое мучило меня с тех пор, как отец исчез, вдруг пропало.

– Вы правда так думаете?

– Ну, конечно же. А теперь иди.

Я удивленно взглянула на него. Куда идти? И тут осознала: я не дома, а этот человек – не мой отец. Мне так хотелось остаться, совсем ненадолго, побыть в родном доме. Возможно, в этом был виноват тихий ясный день – ни дождя, ни ветра, лишь ясное солнце.

– Ты должна найти отца, тэнги мори тамджон. Он ведь так тебя называл, правда? – Нежная, едва заметная улыбка тронула губы старейшины Муна. – Юный детектив с девичьей косой.

Глава пятая

«Тэнги мори тамджон» – так называл меня отец из-за длинной косы, переплетенной шелковой лентой тэнги... и еще потому, что я, как настоящий детектив, не верила ничему, пока не находила доказательства. Та юная девушка по имени Хвани, которая раскрыла множество мелких преступлений, вроде дела об украденном нефритовом кольце или мертвом ястребе, – она бы сохранила надежду на лучшее, ни за что не поддалась бы страху, пробудившемуся во мне в доме моего детства. Страху, нащептавшему мне, что отец и правда умер, что никогда больше не зазвучит в этих комнатах его смех, никогда больше он не окликнет меня по имени. Не назовет тгаль-а. Дочкой.

«Он жив, – зашипела бы на меня юная Хвани, – нет никаких доказательств его смерти, он просто пропал».

Мне очень хотелось в это верить. Разве мог папа просто взять и исчезнуть? Он должен был остаться со мной навсегда.

– Он просто пропал, – прошептала я самой себе, – пока не найдешь доказательств, Мин Хвани, нельзя считать его мертвым.

Я повторяла это снова и снова, пока не почувствовала, что мне дышится легче. Какой смысл оплакивать отца, если нет даже тела, чтобы предать его земле?

Силы вернулись ко мне, я пришпорила пони и поскакала во всю прыть по деревенским улочкам, лишь ветер свистел в ушах да грязь летела из-под копыт. Наконец пони остановился перед постоянным двором «Кэкчу». Привязав его у ворот, я достала из дорожного мешка дневник и письменные принадлежности и зашла на широкий двор. Постоялый двор представлял собой восемь больших каменных построек с соломенными крышами. Во дворе было полно людей. На низких столиках стояли бутылки с рисовым вином и миски с тушеным мясом. Между ними сновали торговцы, нагруженные разнообразными товарами. На этом постоялом дворе процветала торговля, ведь его владелица была посредником между торговцами с материка и с Чеджу.

– Эй!

Я обернулась и сразу же узнала ученого Ю – усы его чуть подрагивали, а губы растянулись в приветливой улыбке. Казалось, только он во всей деревне еще умел улыбаться, или, во всяком случае, считал это уместным, пока убийца не был пойман.

Возможно, поэтому его и связали: он весь был обмотан красной веревкой, и за ним приглядывал крепкий на вид стражник.

Мужчины развалились у стола, на котором красовалась бутылка рисового вина. Стражник налил себе выпить и одним глотком осушил чашу. Потом он настороженно покосился на Ю, который жестом предложил мне подойти.

– Если вдруг вам интересно, – объяснил Ю, – меня связали, потому что сегодня утром я попытался сбежать. Я давно хотел подкупить какого-нибудь контрабандиста, чтобы он увез меня с проклятого острова.

– Если так уж хочется сбежать, зачем совать нос во все дела, которые тебя не касаются? – пробурчал стражник.

Ю попытался отмахнуться от назойливого стражника, хотя его запястья были крепко связаны. Потом он живо обернулся ко мне и громко спросил:

– Итак, вы кого-то ищете?

– Да, я слышала, что сестра Хёнок, Ко Исыл, прислуживает на этом дворе.

– Да, я с ней знаком.

– Знакомы?

– Да он со всеми знаком, алкаш несчастный, – буркнул стражник.

Ученый Ю никак не отреагировал на эту реплику.

– Я видел ее в главном доме, в мастерской...

Тут в животе у меня заурчало, да так громко, что и стражник, и ученый взглянули на меня с удивлением.

– Вы сегодня завтракали? – спросил Ю, и когда я отрицательно мотнула головой, в его улыбчивом взгляде промелькнуло беспокойство. – Уже далеко за полдень. Разве можно ничего не есть с утра! Вы должны заботиться о себе, иначе не сможете никому помочь.

Я вдруг заметила, что у меня дрожат руки – так случалось, когда я долго не ела.

– Да, надо поесть, – пробормотала я.

Я села за столик и попросила проходившего мимо слугу принести блюдо из тушеных морепродуктов. Он принес миску, наполненную рыбой, кальмарами, креветками и овощами. Я наклонилась вперед и принялась: от миски пахло морем. Я ела суп с крупнозернистым рисом и белой рыбой, наслаждалась едой, но потом так задумалась, что перестала чувствовать вкус, будто жевала пепел. Мун, деревенский старейшина, знал, кто я. Можно ли доверять ему?

Я проглотила последний кусочек и вытерла уголки рта.

– А расскажите мне о деревенском старейшине, – попросила я.

Ученый Ю с удивлением приподнял одну бровь.

– Что за внезапное любопытство?

– Он встретился мне по дороге сюда.

– Что ж. – Ю поерзал, попытался устроиться поудобней. Это не так-то просто, когда руки у тебя крепко связаны. – Я знаю только, что у него огромная библиотека. Он собирает книги по медицине, праву, истории. Но больше всего он любит поэзию.

Такая же библиотека была у моего отца.

– О, и еще у него есть дочь. Она как-то приезжала в Новон, я видел ее мельком. Редчайшая красавица! Конечно же, я разузнал о ней все что можно. Скорее всего, деревенский старейшина готовит дочь Чхэвон к выборам наследной принцессы – она одна из тридцати кандидаток. Пройшла отбор, несмотря на возраст и то, что они не знатного рода, – ее записали как бедную дворянку.

Какое-то неприятное ощущение пронзило меня, легкий укол зависти. «Как ей повезло, – подумала я, – у нее есть отец». Она может окликнуть его, когда ей захочется, сказать: «Абоджи!», а он ответит ей ласково: «Тталь-а!» Это было глупо и смешно, но от этой мысли мне сжало грудную клетку. Из всех отцов в этом королевстве пропал именно мой, и в этот момент я почувствовала его отсутствие сильнее, чем когда-либо.

– Сколько ей лет? – резко спросила я.

– Девятнадцать.

Я кивнула и прижала руку к животу, притворившись, что у меня болит живот, а не сердце. Когда боль утихла, я сказала:

– Да, это много.

Наследной принцессой могла стать любая девушка-дворянка в возрасте от одиннадцати до двадцати лет, но чаще всего выбирали тех, кому не больше двенадцати-тринадцати. Самая важная обязанность королевы, как и любой женщины – тетушка слишком часто напоминала мне об этом, – это произвести на свет наследника, и чем старше девушка, тем меньше для нее вероятность забеременеть. Во время королевского отбора молодым девушкам запрещалось вступать в брак целый год, зато я могла не волноваться, что меня в ближайшее время вынудят выйти замуж.

– Да, ей много лет и к тому же она с Чеджу, но ради нее сделали исключение. Я видел много красивых женщин в своей жизни, но она просто удивительна! Я называю ее жемчужиной Чосона!

– Прямо такая красавица? – любопытствовала я. Мне стало интересно, как выглядит дочь старейшины Муна.

– Да, но как сказал сам старейшина, девушке в наше время опасно быть красивой.

Я вспомнила слова судьи: он сказал, что пропавших девушек объединяет только то, что все они были красавицами.

– Если дочь у него такая красавица, – медленно произнесла я, – разве ему не страшно за нее? Девушки до сих пор пропадают. Он хоть что-нибудь сделал, чтобы остановить это?

– Старейшина отправлял какие-то отчеты судье Хону, но их не приняли всерьез из-за отсутствия доказательств.

Отсутствие доказательств! Если бы я сумела найти доказательства, это помогло бы старейшине убедить судью начать расследование... Я сжала кулаки, чтобы не выдать своего возбуждения. Я ведь не обладала властью, не имела права ни арестовывать, ни допрашивать. А деревенский старейшина вполне мог официально возглавить расследование.

– Что вы сказали Исыл прошлой ночью в лесу? – спросил вдруг ученый Ю. – Я пошел с ее семьей, чтобы понять, что случилось, и заметил, как вы что-то объясняли Исыл. Вы родственник детектива Мина?

Я уже открыла рот, чтобы снова соврать, что меня зовут Гю и что детектив Мин приходит мне дядей, но вспомнила, как старейшина Мун обещал защитить меня. Вспомнила, с какой враждебностью смотрели на меня крестьяне, решив, что я чужак, пришелец с материка. И еще мне надо было поговорить с Исыл, а она стеснялась даже в глаза мне взглянуть. Чтобы разговорить ее, нужен не аристократ с материка. Лучше мне раскрыть свой секрет.

– Меня зовут Мин Хвани, – прошептала я, крепко сжимая свой дневник. – Я дочь детектива Мина.

В дальнем конце главного дома находилась мастерская, деревянные двери были раздвинуты. Исыл сидела на полу, скрестив ноги, и плела чипсин – соломенные сандалии. Рядом с ней лежал пучок соломы и веревка сэкки, связанная из этой соломы. Она работала медленно, как будто ей нужен был предлог побыть одной в этой маленькой комнате.

Я засунула дневник под мышку и ждала, когда она поднимет глаза и заметит меня. Но она меня не замечала, и тогда я окликнула ее как можно осторожней, чтобы не спугнуть.

– Добрый день.

Девушка подняла голову. Какие бледные губы. Похоже, она не обрадовалась, увидев меня.

– В прошлую нашу встречу мне не удалось как следует расспросить тебя. Можно с тобой поговорить?

Исыл вскочила на ноги, сбежала вниз по каменным ступеням и умоляюще сложила перед собой руки.

– Прошу вас, не сердитесь, господин, но мне надо идти...

– Меня зовут Хвани, Мин Хвани, – призналась я. – Я старшая дочь детектива Мина.

Исыл смущенно улыбнулась в ответ.

– Молодой девушке опасно путешествовать в одиночку, – объяснила я, – поэтому я решила переодеться в мужской костюм. Теперь мне это больше не нужно.

Девушка понимающе кивнула в ответ, она больше не казалась такой испуганной.

– Детектив Мин рассказывал о старшей дочери... и теперь я вижу, что у вас его глаза, госпожа Мин.

Я никогда не считала, что похожа на отца, но вот уже второй человек сегодня говорит мне об этом.

– Значит, ты понимаешь, почему я все время пристаю к тебе с вопросами? Если мне удастся выяснить, что случилось с твоей сестрой, тогда, уверена, я смогу понять, куда пропал отец.

Она покачала головой и грустно вздохнула.

– Я так надеялась, что детектив Мин найдет сестру. Он обещал мне. – Она вонзила ноготь в большой палец, словно хотела, чтобы боль облегчила ее страдания. – Но есть ли теперь смысл проводить расследование, госпожа Мин?

– Почему же?

– Детектив исчез. А сегодня утром, когда я добилась встречи с судьей, он сказал, что до него дошли слухи, какой красавицей была моя сестра и как на нее заглядывались все мужчины деревни. Он сказал, что, скорее всего, она сбежала с возлюбленным. Что она сама бросилась вниз с обрыва, потому что чувствовала себя виноватой. А еще он сказал... – Исыл глубоко вздохнула, чтобы сдержать гнев, – что я отвлекаю его от важных дел пустяками.

Какая некомпетентность со стороны судьи проигнорировать подозрительные обстоятельства. Местный тиран, которому никто в этой деревне, даже старейшина, не мог противостоять.

– Сейчас ей было бы четырнадцать, – сказала Исыл. – Ей было тринадцать, когда она пропала. Откуда у такой юной девушки мог быть любовник? И почему же тогда она осталась нетронутой, если прожила с ним целый год?

Моя рука, сжимавшая дневник, ослабла. Красавицу не могли найти год. Я думала, что за это время над ней успели надругаться самым отвратительным образом, как же она осталась нетронутой?

– Ты в этом уверена?

– Моя тетя акушерка, и она успела осмотреть тело Хёнок. Мы знали, что судья Хон похоронит ее без осмотра, он всегда так делает. Поэтому мы сами провели осмотр. Тетя пришла к выводу, что до моей сестры никто не дотрагивался... в этом смысле. Кроме травм, полученных при падении, на теле не было никаких следов насилия.

– Она провела целый год в плену, – сказала я вслух, так трудно мне было держать мысли при себе, – и осталась нетронутой! Как странно! Несомненно, это дело должно было привлечь внимание судьи?

– Что вы, ему наплевать. Он совсем не заинтересован в том, чтобы правосудие свершилось. – Грустная усмешка искривила ее губы. – Его заботят лишь деньги. Ограбить нас – вот это он умеет.

– О чем ты говоришь?

Исыл нерешительно взглянула на меня, затем покачала головой.

– Если расскажу, у меня будут неприятности.

– Ты что же, думаешь, что я донесу на тебя? – удивилась я. – Клянусь могилой матери и жизнью отца, твои секреты умрут вместе со мной.

Она крепко сжала кулаки, так что побелели костяшки пальцев. Сколько страха и недоверия!

– Прошу тебя. Сам судья меня не волнует, – тихо убеждала я ее, – я просто хочу понять, кто виноват в похищениях.

Она колебалась еще несколько мгновений, потом оглянулась по сторонам и поманила меня рукой обратно, в мастерскую. Я зашла в комнату, и она наконец прошептала:

– Судья – бездушный человек. Обложил нас высокими налогами. Вряд ли по закону ему позволено так притеснять нас. Несколько лет назад по округе ходил один человек по имени Чо, собирал подписи под ходатайством снизить налог. Конечно, судья не обратил никакого внимания на эти требования, а Чо он приказал казнить. Вот какой человек, госпожа Мин, отвечает за правосудие в нашей деревне.

Исыл обреченно махнула рукой.

– Нет у меня больше сестры, и никто не найдет убийцу.

– Я помогу тебе, – сказала я.

Ее ясные карие глаза встретились с моими. Дерзкий поступок для служанки – посмотреть в глаза госпоже, но мне было все равно.

– Обещаю.

Исыл помолчала, потом, видимо, решившись на что-то, предложила мне сесть.

– Здесь никто не услышит нас, госпожа Мин, – сказала она, устраиваясь рядом. – О чем вы хотели меня спросить?

Я поставила на стол тушечницу¹⁷ и достала из мешка кисть для каллиграфии, чтобы записать все ее ответы.

– Вы с сестрой были близки?

– Я старше ее на восемь лет. Поэтому, когда она родилась... – Исыл закрыла глаза и сжала зубы, как будто пыталась совладать с собой. Когда она снова заговорила, в ее голосе звучали пронзительные нотки боли. – Когда она родилась, мне разрешили взять ее на руки. Она была такой крошечной, на ладонях у меня помещалась.

– Когда ты в последний раз видела сестру?

– Год назад, в ночь перед ее исчезновением.

Я записала в дневник то, что она сказала.

– Тебе ничего не показалось странным в ту ночь?

– Показалось, – прошептала девушка. – Я говорила об этом детективу Мину. Перед тем как исчезла моя сестра, случилось кое-что странное. Во-первых, в ночь ее исчезновения недалеко от деревни видели лошадь, впряженную в повозку с сеном и привязанную к дереву. Никто не знал, чья она.

– А во-вторых? – спросила я.

– Сестра сказала мне, что кто-то преследует ее. Это был Ссылный Пэк, я рассказала об этом матери. Мама, конечно, очень испугалась, ведь девочки то и дело пропадали. Поэтому она вышла поговорить со Ссылным Пэком, а он на нее накричал, что лучше ей спрятать дочерей. «Не позволяйте им гулять по острову. Это опасно», – сказал он. Потом ушел. По-моему, он вел себя странно.

Мое сердце тревожно забилося.

– А кто такой Ссылный Пэк?

– Вельможа Пэк Хёсун. Но его лишили титула и сослали на Чеджу после того, как его отец пытался совершить государственный переворот. Его отец был крупным мужчиной и очень злым. Когда король подослал к нему слуг, чтобы те отравили его мышьяком, он не умер. Старейшине Муну пришлось раздобыть еще мышьяка. Только через неделю ему наконец удалось отравить Пэка. Его сын тоже очень злой человек. Все называют его Ссылный Пэк.

Я задумалась над тем, что рассказала мне Исыл.

– Ты думаешь, он мог как-то навредить твоей сестре?

Исыл молчала, и я заметила, что она будто борется с собой, что-то мучает ее. На щеках ее выступили красные пятна, она прерывисто и взволнованно дышала.

Я медленно повторила свой вопрос:

– Как думаешь, Ссылный Пэк мог навредить Хёнок?

Исыл провела рукой по вспотевшему лбу.

– Это все моя вина, – прошептала она наконец, – мне не стоило...

– Чего тебе не стоило?

– Мы влезли в слишком большие долги перед ним и не могли расплатиться.

¹⁷ Камень овальной формы для растирки туши, чернильный камень. Использовался в каллиграфии и живописи для смешивания туши (чернил) с водой.

– Зачем вы занимали у него деньги?

– Для шаманки Ногён.

У меня все похолодело внутри.

– Что? Почему?

– Над Хёнок с рождения тяготело зловещее пророчество, а ритуал, изменяющий судьбу, стоит дорого. Мы оказались по уши в долгах, а Ссылный Пэк одолжил нам под процент несколько мешков риса, чтобы заплатить шаманке. Только вот он не сообщил, что долг будет расти быстрее, чем мы будем успевать его выплачивать.

– А каким было зловещее пророчество?

– Как только сестренка родилась, шаманка Ногён сказала маме: «Когда луна скроется за тучами, а море вздыбит волны, придет человек, чье лица не разглядеть, и принесет гибель младшей дочери».

– И вы поверили ей?

– Да, – еле слышно прошептала в ответ Исыл.

Я прикусила нижнюю губу, чувствуя, как внутри нарастает ужас. *Вера*. Именно на этом, а дневники отца были тому доказательством, строились все истории, которые я знала. Последняя надежда всегда цеплялась за веру, отчаянное желание найти смысл в этой жизни, обрести свой путь в этом мире, в этом королевстве. Но вера без доказательств казалась мне суеверием, а суеверие – это удел слабаков. Либо шаманка Ногён играла на страхах простых крестьян, заставляла их платить, не догадываясь на самом деле, какое будущее ждет их детей, либо она, по какой-то неведомой причине, знала о судьбе Хёнок, о том, какой страшный конец ее ждет.

– Не сердитесь, госпожа Мин, но вы так молоды, – грустно вздохнула Исыл, – вы уверены, что сумеете разгадать загадку, которая оказалась не по силам вашему отцу?

Никто до нее не спрашивал меня об этом. Я моргнула, сперва растерявшись, но потом нашлась, что ответить:

– Возможно, он не разгадал ее до конца, но какой-то ответ наверняка нашел. Иначе почему он исчез? Мне просто нужно найти след, который он оставил, и дойти по нему до конца.

– Да, он должен был найти ответ. Его называли величайшим детективом Чосона...

Исыл замолкла и как-то странно взглянула на меня: глаз у нее дернулся, потом она нахмурилась и тут же широко раскрыла глаза.

– Я кое-что вспомнила.

– Что? – спросила я, и мое сердце вновь встревоженно забилося.

Она смотрела прямо на меня круглыми, будто от ужаса, глазами.

– Детектив Мин останавливался у нас, на постоялом дворе, и я даже помню в какой комнате, потому что нам все время приходилось ее мыть: он жаловался, что в ней полно насекомых. Но теперь в ней живет новый постоялец и уверяет, что все в порядке. А в день своего исчезновения детектив вел себя очень странно, все говорил, как замучили его насекомые, не давали спать всю ночь, и выглядел очень болезненно. Мы все решили, что он помешался. А еще я случайно подслушала, как он сказал хозяйке постоялого двора, что поедет туда, где за ним неотрывно следит чей-то враждебный взгляд, полный воспоминаний, иначе он не очистит свою совесть и не сможет без стыда взглянуть дочери в глаза. Я так и не поняла, что он имел в виду.

Холодок пробежал у меня по спине. Исыл напомнила мне о той странной записке, которую отец оставил в своей комнате. «Враждебный и неподвижный, полный воспоминаний». Именно так отец описывал ощущение, будто кто-то наблюдал за ним из лесной чащи. Он вернулся к старому «лесному делу»? Я так и не смогла вспомнить, что тогда случилось, и мне становилось страшно от мысли, что ответы на все вопросы, как и причина отцовского исчезновения, кроются где-то там, в пустом пробеле моей памяти.

Мне необходимо все вспомнить. Если мне надо вспомнить, что тогда случилось, чтобы найти отца, то я вспомню. А если не смогу, тогда, значит, никогда не найду его.

Страх всколыхнулся во мне. Я опустила голову и увидела, что случайно, сама того не замечая, написала в дневнике: «Поехать в лес».

Я надавила пальцами на веки, потом открыла глаза и огляделась. Я по-прежнему в мастерской, на полу моток веревки сэкки, Исыл удивленно смотрит на меня. Я оглянулась через плечо и увидела за окном небо, такое ясное и голубое. Идеальная погода, чтобы отправиться в лес, хоть я и обещала отцу никогда туда больше не ходить одной.

Мне придется нарушить свое обещание. Ради него.

Глава шестая

Я не помнила ни как оказалась в лесу пять лет назад, ни как вышла из него. Мне запомнилось только утро того дня. Отец сказал мне, что мы пойдём на могилу к деду, отдать ему дань уважения, а по дороге навестим шаманку Ногён. Мы задолжали ей за пхуадаккори – шаманский обряд, который должен был отогнать от Мэволь призраков и спасти ее от шаманского призвания.

Мама хотела пойти с нами, но она болела и потому осталась дома. Поехали мы втроем: папа, Мэволь и я. Отец облачился в черный костюм с золотой вышивкой, нас с Мэволь одели как мальчиков.

Вот и все. Следующее, что я помню, – это испуганные лица родителей, склонившихся надо мной.

– Проснулась? – спросил отец, потом оглянулся куда-то назад. Во дворе слышался стук лошадиных копыт. – Старейшина Мун приехал, ему нужно составить отчет о том, что случилось в лесу. Он хочет поговорить с тобой.

– А что случилось? – спросила я. – В чем я провинилась?

Вот тогда мои родители и поняли, что я совершенно ничего не помню. Наверное, в тот же день я впервые встретилась и с деревенским старейшиной Муном, но я была так сбита с толку, что совершенно позабыла и об этой встрече.

Я прищипорила пони и прищелкнула языком. Слишком много времени я потеряла в деревне, шатаюсь по улочкам, разговаривая с жителями. Нельзя было терять ни минуты. Не меньше часа я ехала вдоль темных гребней холмов орымов¹⁸. Вот и хижина шаманки. За обклеенными бумагой окнами горел свет, но я проехала мимо. Влажный холодный воздух обволакивал меня, небо потемнело, хотя до вечера было еще далеко. Осенью вечер всегда наступает быстрее, я совсем позабыла об этом, когда ехала сюда.

Я прикусила нижнюю губу и оглянулась. Слишком далеко я заехала, хижины уже не разглядеть. Поздно поворачивать назад.

– Это просто лес, – успокаивала я себя шепотом, проверяя, на месте ли свисток, который обычно висел у меня на шее. Я прищипорила пони и вскоре оказалась у самого подножия горы.

Клонившиеся от ветра деревья становились все выше, все выше приходилось заирать голову, чтобы разглядеть их темные верхушки, покачивающиеся на фоне неба. Конечно, потерянные в лесу воспоминания вернутся ко мне, нужно только постараться.

Вскоре совсем стемнело, и я остановилась. В темном лесу так легко заблудиться.

Спешившись и надежно привязав пони, я прошла чуть-чуть вперед. Надо ко всему внимательно присмотреться: к силуэтам вековых деревьев, лесным грибам, ползучим корням, обвившимся вокруг огромных валунов. Землю покрывал густой мох, в котором тонули ноги. Я вглядывалась в каждую трещину в стволе, в каждую заполненную тенями расщелину в камне, в надежде найти там свои воспоминания. Что я должна увидеть? Как Мэволь закатывает истерику и отказывается идти дальше? Как она убегает? Или я должна увидеть, как мы с отцом ищем Мэволь, а потом я теряюсь в лесу?

А может быть, мне вспомнится что-то другое?

Я ждала. Не знаю, сколько прошло времени, но стало так холодно, что у меня зуб на зуб не попадал. Ничто не всплывало в памяти, и я не знала, надолго ли еще хватит моего упрямства.

– Мин Хвани, – прошептала я самой себе, – тебе нужно вспомнить, что тут случилось.

¹⁸ Орымы – это небольшие вулканические конусы с отдельными кратерами, простирающимися от горы Халла. Потухшие вулканы.

Я зажмурилась и зажала веки пальцами. Странные световые фигуры вспыхнули и погасли перед мысленным взором. Я ждала. Бушующий ветер вокруг, скрипящие деревья, ломающиеся ветки, какие-то шорохи – все это мешало мне сосредоточиться.

Затем медленно белые фигуры превратились в деревья, склонившиеся над тремя всадниками. Три всадника в лесу: отец, Мэволь и я.

Я нахмурилась и попыталась взглянуть в этот образ. Что это, воспоминание или плод разыгравшегося воображения?

Очертания изменились, и я увидела большое дерево в наростах и трещинах. Оно напомнило мне «бабушкино древо» – так мы с сестрой прозвали старое дерево, в трещинах которого прятали секретные послания друг другу.

Я еще сильнее надавила на веки, пока они не запульсировали от боли. Я ждала, когда очертания вновь всколыхнутся и сольются в какую-то новую картину. Однако ничего не изменилось. Застывшая картинка, а не живое воспоминание, если это вообще было воспоминание.

И тут тишину ночи пронзило испуганное ржание.

Я резко оглянулась. Рядом с пони стоял высокий человек, волосы его были собраны в пучок на макушке. Факел, который он держал в руке, осветил его лицо в белой маске с тремя красными точками – одна на лбу и по одной на каждой щеке. Какая знакомая маска, где-то я ее видела! Я мысленно перелистнула все книги, которые когда-либо читала, и нашла ответ. Это была маска пуне – маска наложницы.

От ужаса у меня перехватило дыхание, я невольно отшатнулась от страшного образа – закрытые глаза, улыбающиеся красные губы. В сумраке леса маска словно светилась озорным и бессердечным сиянием.

– Что... что вы хотите? – спросила я. – Вы заблудились?

Меч выскользнул из ножен, и я в ужасе зажала рот, заглушая крик. В темноте я не увидела, что у него в руках. Одним ударом он перерезал поводья, которыми пони был привязан к дереву. Испуганное животное ускало прочь, бросив меня в лесу с убийцей наедине.

Я шагнула назад. Маска двинулась вперед, наставив меч прямо на меня. Не раздумывая ни секунды, я развернулась и бросилась наутек.

Заскочив за валун, встретившийся на пути, я поскользнулась и скатилась вниз, в овраг. Кровь так шумела у меня в ушах, что я не сразу поняла, что за мной никто не бежит. Позади никого не было, только голубой туман, пронизанный лунным светом. Ноги у меня подкосились, я села на землю и прижалась спиной к стволу ближайшего дерева. Сердце бешено колотилось в груди. Кто это был? Почему он в маске?

И тут меня осенило.

В «лесном деле» и в этих новых преступлениях фигурирует одно и то же лицо. Человек в маске! Его видели и в первый раз, и сейчас. А теперь он пришел за мной!

Я прижала трясущиеся руки к груди, чтобы как-то остановить захлестнувшую меня ледяную волну паники. «Мне ничего не грозит, – повторяла я себе, – мне больше ничего не грозит». Я досчитала до ста, сердце забило ровнее, я перестала задыхаться. Наконец я решилась шевельнуться, подо мной зашуршали листья. Я осторожно выглянула из-за ствола, но тут что-то холодное и острое ткнулось мне в подбородок.

Желудок скрутило от страха. Крик ужаса замер в груди. Ледяная штука, уткнувшаяся мне в подбородок, заставила меня поднять голову. В мерцающем оранжевом свете факела на меня смотрела улыбающаяся белая маска.

– Пожалуйста, – прошептала я, – пожалуйста, отпустите меня.

Острие меча теперь было направлено прямо мне в шею.

– Пожалуйста... – попыталась я снова.

Человек замахнулся, лезвие сверкнуло, я зажмурилась, ожидая, что меня вот-вот пронзит боль.

Но ничего не почувствовала.

Лезвие меча застряло в толстой ветке, которую держала моя младшая сестра.

Мэволь!

Откуда она взялась?

Маска направила меч прямо на нее, но сестренка успела отскочить. Меч задел лишь платье, и порванный рукав затрепетал на ветру. Мэволь, шатаясь, отступила назад, но потом с криком бросилась на незнакомца. Моя прилежная сестренка – весь день она работала на шаманку Ногён, собирала хворост на горе, таскала огромные кувшины с водой, а теперь вот изо всех сил стукнула человека палкой по лицу.

Маска упала, незнакомец закрыл лицо руками и нагнулся, чтобы поднять ее.

Сестра схватила меня за руку.

– Бежим!

Мы бросились наутек, перепрыгивая через корни и камни, царапаясь о листья и ветки. Перед нами показался крутой склон, и Мэволь, не задумываясь, начала спускаться, хватаясь за корни деревьев, чтобы не упасть. Я попыталась сделать то же самое, но споткнулась о камень, кувыркнулась и рухнула вниз, как мешок с рисом. Все произошло так быстро, что я ничего не почувствовала, пока не ударилась о землю. Царапины саднили и болели, но это казалось ерундой по сравнению с гнавшим нас вперед страхом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.